

Рем Хлебопрос.
Мы были счастливы
знать его...

**РЕМ ХЛЕБОПРОС.
МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ
ЗНАТЬ ЕГО...**

Красноярск 2018

Редакторы-составители:

И.А. Кижнер, А.П. Петрова-Фет, В.Г. Суховольский.

Редакторы благодарят

*Экологический центр рационального освоения
природных ресурсов (директор – В.Г. Сибгатулин)
за финансовую поддержку издания сборника.*

Рем Хлебопрос. Мы были счастливы знать его... – Красно-
ярск, 2018. – 152 с.

ISBN 978-5-6041286-9-5

Рем Григорьевич Хлебопрос
(21.03.1930–21.07.2017)

Выдающийся ученый и педагог, специалист в различных областях науки: физике магнитных явлений, экологии, биофизике, защите окружающей среды, теоретической медицине, экономике. Многие годы Р.Г. Хлебопрос проработал в различных структурах Красноярского научного центра, возглавлял лаборатории, отделы, международный научный центр, опубликовал десятки книг и статей, воспитал десятки учеников. Коллеги и друзья вспоминают о своих встречах с ним, совместной работе.

**Валерий
Вениаминович
Кузнецов
(1942–2014) –
журналист, краевед,
член Союза
журналистов России,
майор милиции
в отставке, автор
и исполнитель
авторской песни.**
Предлагаемая статья
была им написана
в 1999 году.
В сокращенном виде
опубликована
в октябрьском
номере
«Красноярских
профсоюзов»
под названием
«К порогу
возможностей»,
а в августе
2001 года –
в журнале
«Алфавит», № 34,
под названием
«Обретение зрения».

ЗА ПРЕДЕЛОМ ВОЗМОЖНОСТИ

Человек, о котором пойдет речь, в детстве ничем не отличался от своих сверстников. Родители дали ему имя Рем (акроним, составленный из слов «революция» и «мир»). Подобные аббревиурованные имена тогда были распространены в пролетарской среде. Такова была эпоха, и родители Рема были ее продуктом.

Мама Рема, окончив педагогический техникум в Одессе, преподавала в сельских школах. Отец, Григорий Хлебопрос, стал одним из первых организаторов социалистических коммун на Херсонщине, и среди земляков пользовался непререкаемым авторитетом, особенно после покушения на него противников коллективизации. Об-

*Валерий Вениаминович Кузнецов
и Рем Григорьевич Хлебопрос, Красноярск, 1999*

щественная активность его была оценена не только врагами: он стал слушателем коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) – коминтерновского вуза, ковавшего интернациональные кадры для мировой революции в Европе. Его сокурсниками были французские, немецкие, польские коммунисты, им читали лекции Сталин, Коллонтай, Пятницкий...

Но Григорий Хлебопрос принадлежал к категории неистребимых идеалистов, которым всегда больше всех надо. На одной из дискуссий по национальному вопросу в пылу полемики он отозвался об идее создания еврейской автономии на Дальнем Востоке, как об антисемитской выходке, задуманной с целью дискредитации евреев. Кто-то согласился, кто-то стал возражать, разгорелся спор... А в это время сам автор спорной идеи стоял в сторонке и внимательно следил за полемикой, посасывая погасшую трубку. Через два дня Хлебопроса внезапно отчислили из университета, и он снова стал рядовым коммунистом, неотличимым от миллионов других винтиков огромной Системы. Кстати, возможно это спасло жизнь ему и его семье, когда в 1937 году Сталин начал громить Коминтерн.

Юный Ремчик об этом тогда, естественно, ничего не знал, а уж национальный вопрос, из-за которого отца вычистили из университета, был для него вообще темный лес. В его жилах бурлил коктейль из украинской и еврейской крови, он учился в украинской школе, свободно говорил на идиш, дружил с детьми немецких колонистов, живших на Херсонщине еще с царских времен, и считал эту интернациональную смесь абсолютно естественной. Что он плохо знал, так это русский язык. Русским его сделала война...

Семья Хлебопросов встретила ее в Луцке, в 60 километрах от границы. Война шла уже второй день. Рано утром Рем услышал канонаду и, выглянув в окно, увидел танк, на полном ходу стреляющий вдоль улицы. Танк остановился напротив их дома, и мальчик увидел на башне черный крест с белой каймой. Он крикнул матери: «Немцы!» – и та, растолкав дочку и племянника, вывела детей дворами к мосту через реку Стырь. Мост защищал коммунистиче-

ский батальон ополчения, там был Григорий Хлебопрос, но они не встретились: толпа беженцев увлекла их на другой берег.

Ремчик, пятилетняя сестренка, двоюродный брат Семка и мама – вот и вся семья. Ни денег, ни документов, мать в суматохе успела схватить только облигации последнего довоенного займа. Решили добираться до Черняхова под Житомиром, где жили дед и бабка. Но перед этим нужно было доставить Семку родителям в Киев. И они отправились туда пешком.

То, что увидел в пути одиннадцатилетний мальчик, отложилось в его памяти на всю жизнь. Уже после войны он несколько лет кричал по ночам, просыпаясь в ужасе от кошмаров, в которых его окружали фашисты.

Рем запомнил молодую женщину, которая брела в толпе беженцев в одной ночной рубашке с грудным ребенком на руках, и вдруг внезапно обнаружила, что он мертв, убит. Не в состоянии понять, когда и как это случилось – она сошла с ума. Он запомнил также сбитого немецкого летчика, приземлившегося на парашюте рядом с колонной беженцев. Летчик предложил окружившим его беженцам и солдатам сдать в плен, гарантируя жизнь всем, кроме коммунистов и евреев. Но когда старшина-украинец отвесил ему плюху, сопроводив ее чистейшим русским матом, немец вытянулся в струнку и с готовностью ответил на все вопросы военных.

Почему подсознание ребенка отобрало и сохранило в памяти именно эти страшные видения, Рем не мог себе объяснить. Но запомнил их на всю жизнь.

*Рем Григорьевич Хлебопрос,
Красноярск, 1999*

Однако самое глубокое воспоминание, потрясшее Рема, оставила его бабушка – Мылыха Лейбман. В Киеве они успели передать Семку родителям, но Черняхов был уже под немцами, которые стали наводить там порядок. Сперва был издан приказ: явиться на городское кладбище всем евреям до шестнадцати лет. Причем, в случае возникших сомнений относительно возраста, людей отправляли в сельсовет за соответствующими документами. Разобравшись с документами, всех прибывших на кладбище расстреляли. Затем расстреляли всех евреев до шестидесяти лет – тоже в соответствии с документами. Бабушке и дедушке было далеко за семьдесят, так что на третий раз Мылыха повела мужа на кладбище одна: у дедушки была катаракта, и он не смог увидеть, как их расстреливали.

Но накануне неграмотная бабушка продиктовала соседской девчонке письмо для своего любимого внука, Ремчика. Письмо ему вручили в освобожденном Черняхове в 1944 году. Оно было написано кириллицей на смеси украинского и идиш, но Рем все понял – этот язык был ему с детства родным. В письме бабушка Мылыха сообщала, что завтра ее с дедом расстреляют. И все равно она была счастлива, так как знала, что сразу после смерти встретится в раю со всеми своими, убитыми раньше, родственниками. Ее лишь огорчало, что она уже никогда не увидит Ремчика. Конечно, он хороший мальчик и, прожив жизнь, наверняка попадет в рай. Но это будет не еврейский, а русский рай, потому что отец Ремчика коммунист, и в свое время не позволил сделать сыну обрезание. Поэтому, не в силах что-либо изменить, бабушка Мылыха завещала любимому внуку все свое богатство – дом с земляным полом, дощатыми стенами и соломенной крышей.

Бабушкино наследство Рем продал за сорок рублей беженке с детьми, которой некуда было идти. Булка хлеба в то время стоила двести рублей. Вырученные от продажи дома деньги Рем отдал одной из своих родственниц, случайно оставшейся в живых...

В общем, семье повезло: война лишь обожгла их своим смертным дыханием. Даже отец нашелся. Кстати, за оборону моста, через который они ушли от немцев, он впоследствии получил

орден Красной Звезды. Он еще воевал, когда мать с детьми возвратилась в Киев из Поволжья, где они жили в эвакуации. Здесь Рема как сына орденоносца направили в суворовское училище. Вернувшись из эвакуации четырнадцатилетнему доходяге с кровоточащими от цинги деснами училище с казенной обувкой-одежкой и офицерским пайком казалось раем, о котором можно только мечтать. Но он отказался от училища.

Рем не хотел быть военным – он хотел быть ученым. Он составил программу по физике, математике, биологии, литературе и принялся зубрить, не давая себе поблажки. Откуда это взялось у пацана, отставшего от сверстников в учебе на два года? От семьи, в которой царил культ книги. Рем зачитывался романами Жюль Верна, «Занимательной механикой» и «Занимательной физикой» Якова Перельмана.

В Киеве семья Хлебопросов жила в Печерской Лавре – монастыре, основанном в XVII веке. Но монастырь разогнали еще в 20-х годах, и теперь это был район, где селилась голытьба – беженцы, бродяги, нищие, уголовники. Здесь дворовый пацан, не имевший приводов в милицию, вызывал в лучшем случае подозрение ровесников. И поэтому большинство их, достигнув уголовно-наказуемого возраста, шло на зону. В 1948 году из Лавры в университет поступило всего лишь двое ребят. Одним из них был Рем Хлебопрос.

При поступлении Рем колебался между физикой и биологией. Победила физика: у американцев уже была атомная бомба, а у нас еще нет, поэтому стране были нужны талантливые физики. А талантливых биологов и так было слишком много, что выяснилось буквально через год, когда биология попала под нож лысенковщины. Так что для Рема физика была в буквальном смысле счастливым билетом. С его украинско-еврейскими корнями он непременно угодил бы в вейсманисты-морганисты – со всеми вытекающими последствиями. А по окончании физфака его всего-навсего не допустили в аспирантуру, что, учитывая затевавшийся процесс врачей-вредителей и всесоюзную кампанию против безродных космополитов, являлось сравнительно мягким указанием на его место в братской семье народов.

До этого Рем не задумывался о своей национальности. Война сделала его русским; послевоенный государственный антисемитизм напомнил, что он все-таки еврей.

Таким образом Рем Хлебопрос стал преподавателем в одном из техникумов Нижнего Тагила на Урале. Но тут случилось непоправимое: на лекции во время опыта в его руках взорвалась колба, осколки попали в глаза. Из полного сил и планов молодого специалиста он превратился в инвалида первой группы. Левым глазом он еще что-то смутно различал, правый – ослеп. Уборка по дому, семейные заботы (жена, дети) и визиты друзей – вот и вся жизнь...

Один из приятелей, Слава Грузман, главный технолог Уралвагонзавода, чтобы отвлечь приятеля, рассказывал о своих проблемах. Завод производил танки – это была военная тайна, о которой знал весь Нижний Тагил. В литейном цехе для танков отливали стальные плиты. Расплавленный до двух тысяч градусов металл во время заливки в опоку раскалял и разрушал формовочную смесь. Две трети продукции уходило в брак – застывшие наросты на плитах приходилось сбивать отбойными молотками, обрабатывать на станках. Летели планы, премиальные, сыпались выговоры. От этих разговоров Рему легче не становилось, но хотя бы отвлекало, даже вызывало некоторый интерес.

Как-то после уборки комнаты, сидя перед печкой и следя за догорающим мусором (огонь он еще мог различать), Рем обратил внимание, что алюминиевая фольга от конфет не горит. Собственно, он это и раньше знал, но тут... Мысль, вдруг пришедшая ему в голову, ошеломила своей идиотской простотой: металл следует лить в форму, предварительно выложенную фольгой! Алюминий отражает свет, поэтому нагревается слабее. Конечно, он не выдержит двух тысяч градусов и сгорит через какое-то время. Но именно за это время жидкий металл покроется тонкой коркой. И никаких прорывов формы, наростов...

Он стал в уме просчитывать, какой толщины должна быть фольга, чтобы дать время заготовке покрыться коркой. Потом пришел Грузман, и они уже вместе просчитали все начисто. По-

том на основании их расчетов в цехе провели экспериментальную отливку – плита вышла гладкая и чистая, как из-под шлифовального станка. Позже, когда стали внедрять изобретение Рема в производство, он предложил использовать жидкий азот для дополнительного охлаждения, но от него отмахнулись: и так отлично. Лицензию на изобретение купили немцы, шведы – за сотни тысяч долларов. Американцы же через полгода сами додумались и запатентовали метод охлаждения опоки жидким азотом.

Теперь, имея авторское свидетельство, Рем Григорьевич (с этого времени его стали звать только так) знал себе цену. Но для других он был по-прежнему инвалидом. Слепым. Когда его стали опекать представители Общества слепых, он удивился, как много, оказывается, отделяет его от обычных людей. Слепой не может читать и писать, следовательно, все, что связано с этой возможностью людского общения, для него закрыто. Он не видит мимики собеседника, не следит за своей мимикой, поэтому у него «слепое» лицо. И это тоже его отделяет от зрячих. Одним словом, слепому нужно жить со слепыми – иначе он будет чувствовать себя ущемленным.

Но Рем Григорьевич категорически не был согласен с этим. Он сделал то, что было не под силу зрячим: усовершенствовал технологию отливки стали. Он подготовил – в уме! – кандидатскую диссертацию. Он научился читать публичные лекции, сопровождая их записями на доске (искусство слепого письма Рем Григорьевич осваивал полтора года). Определяя по голосу настроение собеседника (определяя что?), он добился того, что у него не было «слепого» лица.

В Красноярске, куда он приехал работать, случилась забавная вещь. После собеседования и изучения документов его приняли в политехнический институт на кафедру физики. И только когда заведующий кафедрой попросил написать заявление и заполнить анкету, выяснилось, что соискатель не может ни того, ни другого. Потому что ничего не видит...

В первые же дни Хлебопрос познакомился с А.М. Родичевым, физиком-магнитологом. И эта встреча оказалась удачей для обоих. Они дополняли друг друга во всем. У Родичева обнаружили

рак, и большую часть времени он проводил в больницах. А Хлебопрос несмотря на слепоту был мобилен и даже наловчился ездить в командировки. Но самое главное: Родичев был физиком-экспериментатором, а Хлебопрос – физиком-теоретиком. Уже через три месяца совместной работы они отправили статью в ленинградский журнал «Физика твердого тела». Сам директор Института физики, академик Л.В. Киренский поздравил их с этой работой. Затем они взялись за исследование тонких магнитных пленок, которые используются в вычислительной технике. В свое время над этой проблемой работали такие физики, как Гинзбург, Ландау, Гильберт. По этой теме Хлебопрос защитил кандидатскую диссертацию, готовился к докторской...

И тут ему пришла в голову идея. Примерно так же, как в 1956 году, когда он, глядя на огонь, сидел у печки в Нижнем Тагиле. Собственно, эта идея принадлежала его университетскому преподавателю Н.Н. Боголюбову, впоследствии директору института в Дубне – Мекке советских физиков. Идея состояла в методике определения основных параметров, характеризующих устойчивость любой системы – будь это механизм, животное, социум или экосистема. Но тогда, в киевском университете, профессор Боголюбов не смог ответить двадцатилетнему студенту, какие параметры определяют устойчивость систем.

Как раз в это время Хлебопрос сошелся с А.С. Исаевым, работавшим в институте леса и древесины им. В.Н. Сукачева. Ученый-эколог, энтомолог и физик, занимающийся природой магнитных явлений. Что у них может быть общего? Однако, когда идея определения устойчивости системы была изложена Хлебопросом его новому знакомому, оказалось, что тема как нельзя более актуальна. Устойчивость экологических систем – это сегодня буквально вопрос жизни и смерти. Первая же их совместная работа об определении устойчивости экосистемы была перепечатана из «Докладов Академии наук» в журнале «Nature».

Дальнейшее описание жизни доктора физико-математических наук, профессора экологии, заведующего теоретическим отделом красноярского института биофизики Р.Г. Хлебопроса

представляет не меньший интерес, но оно выходит за рамки обозначенной темы. Профессор – член Наблюдательного совета фонда Джорджа Сороса; его учениками была выстроена теория устойчивости автономных биологических систем: «Биос-1», «Биос-2», «Биос-3». Созданные под руководством профессора Б.Г. Коврова, они работали в Красноярске еще в 70-х годах. Кстати, американцы в свое время ухлопали на свою «Биосферу-2» 168 млн долларов, но так и не добились того, что удалось красноярским ученым.

В 1991 году Хлебопросу сделали операцию в Бостоне, и теперь, после тридцатипятилетнего перерыва, он снова читает и пишет. Его все больше интересуют социально-экономические аспекты экологических проблем. Несколько лет назад он организовал в Красноярске конференцию на тему «Экология и бизнес», где эти идеи впервые прозвучали. Но это – сюжет другого рассказа...

ПАПА

Не знаю, как будут написаны другие главы, но первая получается воспоминанием о моем раннем детстве. Папа в нем был самым ярким впечатлением, но писать только о нем не получается. Я ведь видела его только дома, где жили мы вчетвером. Дом был создан папой, если под этим словом понимать маленький мир, в котором живет маленький ребенок. Все, кто к нам приходили: моя няня, соседи, студенты, коллеги, родня, в том числе мама, – все появлялись благодаря папиному неподдельному интересу к людям, желанию помочь каждому. И ему приходили на помощь, часто не дожидаясь его просьбы.

Наверное, нужно начать с детства. Моего детства. Особенно потому, что брат и сестричка не видели его не седым.

«Кудьи, кудьи!» – шептала я восторженно, ползая по папиной спине. Он сонно мурлыкал мне что-то, а я прижимала ладошками черные, густые пружинки и, отнимая ладошки, смотрела, как они снова и снова поднимаются пышною шапкой.

Мне было около двух; точно, меньше трех, так как меня не водили в ясли, а эти воспоминания – утренние и дневные; но наверняка больше года, так как папа уже не видел. Его красивые глаза с длинными ресницами, какими они были до взрыва термостойкой колбы в марте 1956, я впервые увидела на фотографиях. Та, где он с

Ирина Ремовна Фомина – дочь Рема Григорьевича от первого брака, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института фундаментальных проблем биологии РАН.

мамой, стояла в их комнате на радиоприемнике, а та, где один, лежала в альбоме.

В самых ранних моих впечатлениях (хорошее слово – впечатление – это то, что отпечаталось в памяти), папа – это очки и улыбка и «кудью». Картавить я начала не со своего имени «Иаа», по-другому оно не произносилось, а «кудью» с мягким знаком, все-таки было похоже на то, что произносили другие.

Поиграв с папиными кудрями, я бежала, точнее, ковыляла, но мне казалось, что

бегу в нашу с Таней комнату, где, если немножко постараться, то дверца шкафа откроется, и можно посмотреть в зеркале, вдруг мои волосики стали гуще и начали завиваться. Волосиков было мало. Я поднимала их и кричала папе: «И Иее кудью? Иее!» «Будут!» – врал он с честной улыбкой и помогал мне снова забраться на диван. И снова дремал, слушая радио, а я прижимала ладошками черные, густые пружинки...

Диван был громоздкий, старый, и занимал почти всю комнату. Огромный радиоприемник был под стать дивану. Кроме них в комнате помещался только стул, на спинку которого папа вешал свою рубашку и брюки, чтобы, подремав после утренней лекции, снова идти в техникум после обеда. А я возвращалась в детскую – светлую, просторную. В ней можно было покатать большой мячик, и он так долго катился от стены до окна, что я успевала до него доковылять. Но играть одна не умела. Начинала всхлипывать и смотреть на часы на стене. «Когда вот эта короткая стрелочка придет вот сюда, мама придет с работы и Таню из садика приведет». Короткая стрелочка, мне казалось, стоит на месте,

если на нее смотреть. А если долго не смотреть, то немножечко передвигается...

Иногда дочки соседей сверху (Щегловы, тоже Таня и Ира) приходили посидеть со мной, пока с работы не вернется мама. Она преподавала в Политехническом институте, не сильно далеко, но папин Горный техникум был рядом. Мама говорила, что сначала она работала лаборантом на Уралвагонзаводе и туда добиралась очень долго, оставляя меня, еще грудную, с няней. Таня почти год жила в Горьком у маминых родителей. Мама ездила меня рожать в Горький. Ехала с Таней и со мной еще не рожденной, а вернулась только со мной.

В 2011 году в Нижнем Новгороде проходил съезд физиологов и биохимиков растений России, и я, наконец, побывала в городе моего рождения. Родных там нет, повода ехать в Горький раньше как-то не возникало. Дедушка, офицер, служил в Горьком в начале 50-х. В 1956 он с семьей (на тот момент состоявшей из него, бабушки и младшего сына) переехал в Нижний Тагил, и жили они в квартале или двух от нас. Четырехлетнюю Таню он

привез до того, как переехал, т. е. почти сразу после трагедии с папой, и в моей годовой жизни появилась старшая сестра. Я очень хорошо это помню, каким-то секундным фотографическим воспоминанием, отложившимся в памяти. Папа (это, конечно, по рассказам) был в глазной клинике в Москве. Кто-то в очках (наверное, дедушка) стоял в кухне возле окна. Мама занесла меня на кухню. И я сверху увидела красивую девочку, сидящую за столом. «Ирочка, это твоя сестра Танечка». Мне все всегда говорили, как по-

нимающей. Именно так и надо, наверное. Никто ведь не знает, когда ребенок начинает понимать и хоть что-то запоминать.

Вот мы рядом с мамой. Уставившись на фотоаппарат в ожидании «птички», я отвела взгляд от сестры. Как правило, с первого взгляда и на долгие годы, я, просыпаясь, сразу смотрела на Танину кровать, встав, ходила за ней по пятам, копировала жесты, мимику, с радостью донашивала одежду и обувь и выклянчивала-выплакивала ее игрушки, карандашики и альбомы. «А свои опять сломала и порвала?» «Танюша, она просто хочет во всем на тебя походить». «Не сем! Кудьи Иы буут папы!» «Ты уверена?» «Папа казал!» Я долго не выговаривала, точнее не проговаривала слова даже с хорошо дававшимися мне звуками. Спешила высказать главную мысль. Таню, с года читавшую наизусть стихи маминым голосом негромким, но очень четким, это раздражало. То, что я наизусть тоже быстро и легко запоминала любые, в том числе непонятные мне слова и фразы, называла попугайством. Возможно, правильно. Она, если что-то не понимала, обя-

зательно спрашивала у папы: «Почему тяжелый самолет летит и не падает?» – и он объяснял. Он умел объяснять законы физики. А Таня умела слушать.

Меня же гораздо больше волновали законы любви. И стихи, и сказки, а потом кинофильмы, мне были интересны ровно настолько, насколько правильно я с первых строчек–кадров угадывала, кто кого любит, и будет ли счастливый конец. Все остальное запоминала, наверное, и правда, как попугай. Например «кустракиты». «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой...» – лет до восьми-девяти я была уверена, что это такое дерево – кустракита, пока на уроке пения нам не раздали тексты. Все поют, а я пытаюсь справиться с приступом хохота и кашляю. Дома потом, конечно, рассказала. Папе очень нравилось, что я умею хохмить над собой. Это я уяснила с Таниного пятилетия – 31 декабря 1957 года. Значит, мне – чуть больше, чем полтора. Но память хранит – может потому, что папа часто вспоминал – несколько кадров. Таня, одетая во что-то невозможно красивое, белое – это был костюм снежинки, мама шила для выступления в садике. В квартире полно народу, Таню буквально завалили подарками. Среди подарков – кукла с закрывающимися глазами. Я, конечно, прошу Таню дать мне ее поддержать. «Фигушку с маком!» – и она прячется от меня за чьими-то ногами. Ног много. Даже совсем запрокинув голову, я не вижу лиц. А на ручки меня никто не берет. Папе нельзя, маме некогда, все заняты еще и новогодними поздравлениями. Замечает меня, забившуюся в угол, папина мама. Наверное, именно тогда она приехала, чтобы

немного понянчить меня вместо няни. Бабуля дает мне кусок сладкой булки с маком, и я начинаю хохотать. Хохоча, разыскиваю между многих ног папины и кричу ему: «Тачка дая Иее фигусу маком, а буя – буку маком». Папа тоже начинает хохотать и всем

объясняет, что именно я сказала и почему это очень смешно...

Детская память, как стеклышки калейдоскопа, вдруг складывается в узор, и кажется, что на него можно нанизать-натрясти другие узоры. Но няньку, почти девочку из деревни, судя по маминым рассказам, я совершенно не помню. То есть не помню ее лицо. Не помнила и голос. Мамины рассказы не помогали. Они были слишком негативные: меня, очень капризную, трудно было уговорить кушать кашу. Ясно, я, как все младенцы, предпочитала мамино молочко. Но декретный отпуск был короткий. Мама вышла на работу. Кашку я есть не сильно хотела, а няньке было лень меня уговаривать, она ее сама съедала. Я вся исхудала. С тяжелой дистрофией попала в больницу. Там выяснилось, что у меня еще и бронхоаденит. Больницу не помню, но однажды вспомнился голос. Мой голос. На улице какой-то малыш назвал нянечку «няка». И я услышала свой голос, тоже повторяющий: «Няка, няка». И ласковое в ответ бормотание: «Евреечка моя, лысенька, а хозяин-то кудрявый». Няка, няка, я очень надеюсь, что ты жива и здорова.

Иногда со мной, но уже постарше, уже иногда ходившей в садик, сидел кто-нибудь из студентов техникума. Особенно запомнился паренек-армянин по имени Пушкин. Сказки Пушкина мне читал и смеялся, что брата у него зовут Лермонтов. Пушкин был очень красивый, смуглый, с мягкими шелковыми кудрями. «У настоящего Пушкина, – говорила я ему, – кудри, как у папы, как пружинки». Дорогой дядя Пушкин, из всех стихов Пушкина, которые я читала, перечитывала и легко запоминала, я больше

всего люблю его сказки, которые читал мне ты, когда я больная и несчастная, а на самом деле очень счастливая, жила в маленьком доме – три этажа, два подъезда – в самом центре Нижнего Тагила. И вокруг жили такие замечательные люди, что я, наверное, напишу об этом доме отдельную главу. Папа вспоминал о тебе часто, как об одном из лучших своих учеников.

Бывало, и не редко, я оставалась дома одна, и уже не на пару часов, а на весь день. Слушала радиоприемник. Слушая, засыпала, мечтая проснуться, когда мама или папа приведут из садика Таню. А позже, когда Таня сама придет из школы, там она, на мое счастье, не оставалась на продленку. Меня в садик отвели, наверное, лет трех с половиной. Но и тогда, если я простужалась, а простужалась я через два дня на третий, держали снова дома недели по две, а то и по три. И снова утро я начинала с плача. Очень хотела к детям, к людям. Уже в Красноярске вдруг сообразила, что можно припрятывать жаропонижающие таблетки, можно врать, что простуды нет, чтобы доплестись до школы, увидеться с подружками. Не сразу, но постепенно я перестала мучить Таню, как мама интровертную, любящую побыть наедине с собой, своей неумейной в то время общительностью, конечно, папиной.

Однажды Таня «принесла» из садика ветрянку. В то время предписывалось – заболевших брить. Вот они мы, на фото, с уже чуть отросшими волосами, и уже не измазанные зеленкой. А над нами папа, с кудрями и «честной» улыбкой, с которой он уверял, что побритые волосы отрастут более красивыми.

Таню, в детстве послушную и серьезную, долго уговаривать не пришлось. А жаль. Ее густые светло-русые волосы стали реже и слабее. А мои, средне каштановые, «серо-буро-малиновые», наоборот, отрасли копной не вьющейся, но пышной и пушистой. Однако бриться я согласилась только после рассказа папы, как он с сестренкой (тетей Майей) в детстве тоже болел ветрянкой, и их тоже побрили наголо. Это фото я выпросила у нашей двоюродной сестры Аллы, Майиной дочки, сказав ей, что именно с ним видно, насколько сильно мой брат Сашенька похож на папу, а сестренка Леночка – на тетю.

РЕМ ХЛЕБОПРОС. МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ ЗНАТЬ ЕГО...

Что еще можно добавить к этому «некудрявому» фото? Что папе здесь лет девять-десять, тете – пять, т. е. год либо 1940, либо даже 1941. Я пыталась уточнить у папы. Но точный год он не помнил. Война поделила его детство на «до» и «во время». У тети, возможно, еще и на «после», а у папы детство кончилось еще «во время»...

ЕЩЕ ОДНА ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Я очень давно (где-то с 60-х годов прошлого века) познакомился с Ремом Григорьевичем Хлебопросом. Не являясь специалистом в различных сферах его научного творчества, я не рискую анализировать его научное наследие, так как уверен, что это лучше всего сделают его многочисленные ученики и последователи. Я просто хочу рассказать о нашей многолетней дружбе.

В первые годы нашего знакомства мы были просто коллегами в Красноярском научном центре и ограничивались приветствиями при встречах. Но однажды произошло неожиданное событие, сразу поднявшее наше знакомство на новый, более высокий уровень. Р.Г. Хлебопрос в те давние годы был профсоюзным активистом в Институте физики, я тоже активно занимался общественной работой в нашем Институте леса и древесины, и поэтому мы нередко встречались на каких-то мероприятиях филиала. Однажды на одном из таких мероприятий мы оказались на соседних стульях, и тут меня осенило. Привожу дословно наш возникший незабываемый диалог.

– Рем Григорьевич, Вы заканчивали физический факультет Киевского университета?

– Да.

– В 1953 году?

Леонид
Иосифович
Милютин –
главный научный
сотрудник
Института леса
им. В.Н. Сукачева
СО РАН. Доктор
биологических
наук, профессор,
Заслуженный
деятель науки РФ.

- Да. А почему Вас так интересует моя биография?
- Скажите, знали ли Вы студента Юру Цехмистренко?
- Что значит, знал ли я его. Это мой лучший студенческий друг, мы до сих пор созваниваемся. А почему Вы о нем спрашиваете?
- Потому что это мой лучший школьный друг.
- Подождите, он же приехал в университет откуда-то из-под Киева.
- Да, из Нежина.
- Точно, а Вы при чем?
- А я был его одноклассником с 7 по 10 класс.

Так у нас объявился общий друг. Есть древняя поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». А Юрий Васильевич Цехмистренко был замечательным ученым-физиком и прекрасным человеком с яркой и трагической судьбой. Он оказал большое влияние на меня, да я уверен, и на Рема Григорьевича тоже. Поэтому наши взаимоотношения с Р.Г. Хлебопросом сразу переросли в настоящую дружбу. Это случилось еще и потому, что я всегда восхищался жизненной стойкостью Рема Григорьевича, его умением достойно преодолевать все удары судьбы. Я, наполовину шутя, наполовину серьезно, называл его Маресьевым в науке, о котором можно было написать еще одну повесть о настоящем человеке. Мне до сих пор непонятно, как он в последние годы жизни, почти потерявший зрение, не имевший возможности читать литературу и работать на компьютере, успешно занимался научным творчеством. И занимался так, как не могут многие вполне здоровые научные работники. Он подготовил более полусотни кандидатов наук и десяток докторов наук. Поражает диапазон его научных исследований. Помимо широко известной теории динамики численности лесных насекомых (разработанной совместно с академиком А.С. Исаевым) Р.Г. Хлебопрос активно и плодотворно занимался проблемами экологии, онкологии и многими другими актуальными вопросами современной науки. У меня с ним был один общий аспирант, написавший прекрасную диссертацию, и я до сих пор не могу понять, как Рем Григорьевич сумел глубоко разобраться в таких, казалось бы, далеких от него областях науки, как дендрология и лесная генетика.

Случалось мне и дискутировать с Ремом Григорьевичем о возможностях использования математических методов, в частности, моделирования в биологии. Он всегда очень корректно и спокойно парировал мои «нападки» и заставлял еще раз обдумать те или иные вопросы. Кстати, Рем Григорьевич очень не любил научную демагогию, верховенство званий перед знаниями. В этой связи вспоминается такой эпизод. В наш Институт леса для совместных исследований приехали из Москвы два молодых генетика (сейчас они – всемирно известные ученые, к сожалению, в основном работающие за рубежом). Их научный руководитель академик Ю.П. Алтухов поручил им провести в Красноярске семинар о достижениях популяционной генетики. Из-за своей неопытности они выступили, наверное, с излишним апломбом. И тут поднялся Р.Г. Хлебопрос. Он забросал выступавших молодых коллег едкими замечаниями и вопросами. После семинара московские генетики подошли ко мне и обиженно спросили, за что так придирчиво отнесся к их выступлению «бородатый профессор». Я ответил, что сам не понимаю и постараюсь выяснить. Спросил у Рема Григорьевича, и он ответил: «Подумаешь, столичные штучки. Мы здесь тоже кое в чем разбираемся».

Самоирония и юмор были неотъемлемыми чертами характера Рема Григорьевича. Вот образец такого, к сожалению, черного юмора. Незадолго до его кончины я встретился с ним и спросил: «Рем, что-то я тебя давно не видел?» Он ответил: «Я тебя тоже давно не видел, но я вообще никого не вижу. А почему ты не видел меня – не знаю».

Я вроде бы хорошо знал Рема Григорьевича, но до настоящего времени не могу объяснить истоки его научного подвига, особенно ярко проявившегося в последние годы его жизни. Наверное, можно согласиться с мнением ряда психологов, утверждающих, что многие люди, которые по каким-то причинам теряют некоторые органы чувств, успешно компенсируют эти потери за счет значительно лучшего функционирования других органов. Есть много хрестоматийных примеров, подтверждающих эти выводы (глухой Бетховен, почти безжизненный знаменитый физик Хокинг,

РЕМ ХЛЕБОПРОС. МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ ЗНАТЬ ЕГО...

многие спортсмены и др.). Да и наш общий друг Ю. Цехмистренко, о котором уже упоминалось, потерял в 14-летнем возрасте ногу, но не только стал известным ученым, но и прекрасно плавал, занимался гимнастикой на самом высоком уровне. Так что яркая неповторимая жизнь Рема Григорьевича Хлебопроса – еще один наглядный пример необъяснимых возможностей человека, его воли, талантов и мужества.

ВОСПОМИНАНИЯ О РЕМЕ ХЛЕБОПРОСЕ

В Красноярске создавался академический центр, в который, в частности, входил Институт физики. Открылся в 1964 году и филиал Новосибирского университета. Директор Института физики Леонид Васильевич Киренский, проводя мудрую кадровую политику, пригласил уральских математиков приехать в Красноярск. Чтобы привлечь ученых, он открыл лабораторию математики при институте, рассчитывая на их активное участие и в научной жизни, и в подготовке молодых кадров для науки. По этому зову в конце 1965 года я приехал в Красноярск.

Лаборатория математики входила в состав теоретического отдела института. Среди его сотрудников Рем выделялся не только яркой внешностью (его борода привлекала всеобщее внимание), но и своим характером. Общительный, дружелюбный, доброжелательный, с неизменным чувством юмора, он невольно «притягивал» к себе коллег по институту. Они охотно делились с ним новостями своей жизни, а если сообщали о своих проблемах, то в ответ Рем предлагал возможные модели их решения. Нелучайно поэтому в течение года или двух он проработал председателем профкома института. Уже позднее я увидел, как щедро Рем тратит свое время на общение с научной молодежью, причем это касалось не только его непосредственных учеников.

Лев Сергеевич
Маергойз –
доктор физико-
математических
наук, профессор
Сибирского
федерального
университета.

Мое сотрудничество с Ремом началось неожиданно. Однажды экономист Петя Воронков из Института леса и древесины обратился ко мне с вопросом, ответ на который, по его мнению, требовал знания математики. Возможно потому, что до этой встречи меня интересовала лишь абстрактная математика, я... не понял, что он от меня хотел. Понадобился «переводчик», в роли которого согласился выступить Рем. В то время он, написав докторскую диссертацию по физике, переключился на исследование проблем экологии леса. Он помог сформулировать математическую постановку (модель) предложенной проблемы. Оказалось, что это задача по оптимизации лесопользования, которую, размышляя втроем, мы успешно решили в течение нескольких месяцев, встречаясь два раза в неделю.

Вспоминаю такой случай. Однажды намеченная встреча сорвалась, но Рем настоял не откладывать ее «в долгий ящик», а перенести на ближайшую субботу на 8 утра (!) – другого удобного для всех нас варианта не было. Позднее я понял причину такого его поведения. Он был заражен «бациллой» наслаждения моделировать процессы, происходящие в природе и обществе.

К сожалению, до оформления статьи по этой задаче дело тогда не дошло: инициатор проблемы покинул Красноярск. Однако, в результате у Рема пробудился интерес к проблемам экономики. При этом он не хотел быть верхоглядом в этой области. Вспоминаю, как Рем, размахивая пухлым трактатом по экономике (не исключаю, что это был «Капитал» Маркса), приглашал совместно изучить его. Уже через много лет, с высоты своих знаний по экологии и экономике, он вернулся к более широкой задаче оптимизации лесопользования, пригласив меня сотрудничать¹.

В последнее десятилетие жизни Рема мы написали (привлекая и других соавторов) цикл статей, посвященных алгоритмам распределения ограниченного ресурса среди потребителей (групп людей), находящихся в дифференцированных условиях. Имелась в виду ситуация, при которой пропорциональное распределение

¹ Басканова Т., Маергойз Л.С., Хлебопрос Р.Г. Долговременные ориентиры в экономике и экологии. Инженерная экология, 2006, № 1, с. 25–36.

ресурса не является «справедливым». Отмечу работу, написанную нами совместно с доцентом Юридического института СФУ Т.Ю. Сидоровой и опубликованную в специальном выпуске американского журнала *Atmospheric and Climate Sciences*, посвященном глобальному потеплению¹. В ней, в частности, предлагались объективные критерии распределения квот выбросов парниковых газов между различными странами.

Выбор для исследования живых, актуальных проблем – характерная черта многогранного научного творчества Рема. Достаточно напомнить его работы по моделированию раковых процессов в живых организмах.

У каждого из ученых есть свои «причуды» восприятия найденных результатов исследования (ученые тоже люди!).

Одни, последователи Архимеда, радуются при этом как дети, и, не спеша натягивать на эту информацию «фрак» диссертации, начинают штурм новых проблем. Другим не хватает чувства самоиронии: они готовы лопнуть от значимости своих результатов. Третьи сооружают себе пьедестал, который значительно выше их личных достижений. Рем всегда был рад решению очередной проблемы моделирования. Но, несмотря на достигнутые значительные результаты и даже награды за них (например, экологическая премия фонда имени В.И. Вернадского), он был полностью лишен чванства, всегда оставаясь простым при общении с окружающими.

21 марта 2017 года состоялся семинар, приуроченный к 87 годовщине со дня рождения Рема. Сначала я недоумевал, почему это мероприятие было организовано не в связи с круглой датой его возраста. Было много народа, молодежи. После выступления Рема все его окружили, было произнесено много теплых слов в его адрес. А ровно через четыре месяца он ушел от нас... Стало понятно, что, предчувствуя близкую кончину, он спешил оставить свое завещание: «Держите высоко планку научных исследований!»

В моей памяти Рем Григорьевич Хлебопрос останется навсегда не только как выдающийся ученый, но и как прекрасный человек.

Красноярск, 28 июня 2018 г.

¹ Maergoiz L.S., Sidorova T.Yu., Khlebopros R.G. *Atmospheric and Climate Sciences*, 2013. V 3, no. 4a. P. 1–5.

Галина
Исааковна
Фиш –
кандидат физико-
математических
наук, работала в
лаборатории физики
магнитных явлений и
сильных магнитных
полей с 1967 по
1990 г., с 1990-х –
руководитель отдела
в фирме Хайтек,
Израиль).

В ПАМЯТЬ ОБ УНИКАЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Я начала работать в Институте физики СО РАН в Красноярске после окончания Томского университета в 1967 году и попала в группу экспериментаторов под руководством Николая Сергеевича Чистякова¹. Тогда в Институте было очень много молодежи, и царил приятная атмосфера. Рядом с нами была комната, где сидели теоретики, и в коридоре я столкнулась с человеком, который как-то выделялся среди нас. Может быть, потому что из-за бороды он выглядел очень солидно. Рядом с ним всегда был кто-то из начинающих физиков, и он общался с ними как с равными. Мне было удивительно, что они обращались к нему по имени и на «ты». Я спросила у своих коллег, кто этот оригинальный человек, и мне рассказали его историю. Я, конечно, была потрясена, как человек, который ничего не видит, может заниматься теоретической физикой и успешно защитить диссертацию. Все говорили о нем очень уважительно. Я тогда подумала, что он настоящий герой.

Когда у меня получились первые интересные экспериментальные результаты, я,

¹ Чистяков Николай Сергеевич (1935–1997) заведовал лабораторией физики магнитных явлений Института физики СО РАН в Красноярске с 1969 по 1982 гг.

конечно, решила их обсудить с Ремом. Он с большим вниманием и интересом стал выяснять все детали, тут же высказал физическое обоснование, и вместе со своей ученицей Лидочкой Михайловской¹ начал работать над теоретическими расчетами. Меня поражала его память. Когда я через большой промежуток времени рассказывала о новых результатах, он вдруг прерывал меня и говорил, что раньше я наблюдала что-то другое, а я уже забыла об этом. Работать с ним, да и просто общаться, было очень интересно. Как учитель Рем отличался тем, что любое физическое явление мог объяснить очень просто. И ему нравилось, когда его ученики высказывали свое спорное мнение.

Рем был уникальным человеком. Его знали и уважали все в Академгородке, он и сам относился ко всем с большой симпатией. Наверное, у него никогда не было врагов, зато друзья были повсюду. Он поехал со мной на предзащиту моей диссертации в Свердловск, где он когда-то учился. Там собрался большой коллектив физиков, которые должны были оценить мою работу. Я видела, как все общались с ним с большой симпатией. Выступить перед такой большой аудиторией мне было, конечно, непросто, но Рем был рядом, и это мне очень помогло.

В моей жизни был очень трудный период, в котором участие Рема сыграло большую роль. Когда я заканчивала аспирантуру, и у меня было уже много наработано для диссертации, я попала на операционный стол, еле выжила и целый год не могла работать вообще. Мне предложили пойти на инвалидность, но я решила работать. Тем временем мои прежние результаты стали уже неактуальны, а врачи советовали мне больше вообще не перетруждать себя тяжелой научной работой. Я с большой благодарностью вспоминаю, как Рем все это время поддерживал меня и, главное, очень старался, чтобы не угас мой интерес к научной работе. Он знал по себе, что без этого работать будет очень скучно. Под его руководством я начала работать над новой диссертаци-

¹ Лидия Васильевна Михайловская – специалист в области физики магнитных явлений, с 1965 по 1979 гг. работала в Институте физики.

РЕМ ХЛЕБОПРОС. МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ ЗНАТЬ ЕГО...

ей, которая сыграла очень важную роль в моей будущей жизни в Израиле.

Я всегда вспоминаю его как очень умного, доброжелательного, широкой души человека. У него в квартире всегда находили приют молодые начинающие физики, которые на какое-то время оставались без крыши над головой. Многим он помогал материально, хотя вся его семья жила очень скромно. Мне кажется, что его никогда не интересовали материальные ценности. Он всегда оставался мечтательным рыцарем, даже в самые нерыцарские времена.

ПРЕОДОЛЕВШИЙ СУДЬБУ

В 1970-х годах математические методы стали все шире применяться в биологии, в особенности в экологических исследованиях. Этому способствовали школы по математическому моделированию в экологии, которые традиционно проводились в Пущино и в других местах в Московской области с участием крупных ученых, среди которых был и Рем Григорьевич Хлебоброс. В те годы я, молодой сотрудник одного из научных институтов Гидрометеослужбы, также увлекался задачами математической экологии, и мы познакомились на одной из таких школ.

Он был очень яркой личностью. Потеряв в молодости зрение (зрение вернулось лишь после удачной операции в 1991 г.), он свободно и с увлечением выступал с лекциями, активно участвовал в обсуждении докладов других участников. Когда не было заседаний, он общался с коллегами, все время что-то обсуждая, предлагал какие-то совместные работы, подготовку публикаций, высказывал свои взгляды на предмет. И, конечно, Рем Григорьевич был постоянным участником товарищеских застолий, которые неизменно возникали после научных заседаний (это почему-то называлось «товарищеский чай»). Он всегда замечательно произносил тосты и вообще был душой общества.

Сергей Михайлович Семенов – доктор физико-математических наук, профессор, научный руководитель ФГБУ «Институт глобального климата и экологии Росгидромета и РАН».

Надо сказать, что именно человек с такими профессорскими манерами, импозантной внешностью, остроумный и доброжелательный, придавал особый стиль научному заседанию, что очень важно, особенно для молодых ученых. Ведь их привлекает не только суть, но и форма!

Через какое-то время после нашего знакомства я, обобщив некоторые свои результаты в области математической экологии, собрался защищать докторскую диссертацию. Однако в номенклатуре специальностей ВАК «математической экологии» не было. По совету Рема Григорьевича я решил «мимикрировать» под специальность «биофизика» и подать диссертацию в диссертационный совет при Институте физики им. Л.В. Киренского СО РАН (Красноярск). Рем Григорьевич, как член диссертационного совета, весьма поддерживал мою работу, и она очень благоприятно была принята при предварительном рассмотрении (предзащите).

Однако ВАК по каким-то бюрократическим причинам при очередной «аттестации» полномочий совета не возобновил. Рем Григорьевич, которого я всегда воспринимал как старшего мудрого товарища, мне посоветовал заниматься, как обычно, своей научной работой, не принимать никаких радикальных решений, а спокойно ждать, когда «замороженный» диссертационный совет «оттает». Он оттаял через три года, и я защитился в 1984 г. Я с благодарностью вспоминаю членов диссертационного совета и всех красноярских коллег, которые меня поддержали, а особенно Рема Григорьевича.

Но ВАК все же не оставил нас тогда (и сейчас не оставляет!) своими заботами. Незадолго до моей защиты были строго запрещены банкеты по случаю защит диссертаций. И хотя ВАК грозил слушникам отказом в утверждении результатов защиты, все же отметить как-то хотелось. Рем Григорьевич предложил мудрое решение: это будет не банкет по случаю защиты, а приветственный банкет по случаю моего визита в Красноярск. И хотя банкеты в мою честь были мне явно не по чину и заслугам, пришлось согласиться...

В то время я довольно часто бывал в Красноярске, и мы всегда встречались с Ремом Григорьевичем и для обсуждения научных дел, и просто по дружбе. Встречались и в Москве, куда он приезжал несколько раз в год. Он был всегда очень подвижен. Я всегда удивлялся (даже несколько завидовал) поразительной памяти и организованности этого человека. Он всегда составлял очень четкий график своих передвижений (ведь ему нужен был сопровождающий!), помнил наизусть множество телефонов, посещал в день несколько московских институтов для обсуждения самых разных научных проблем. При таком режиме работы и занятости он всегда уделял время и простому дружескому общению, очень его ценил. Он обладал широкой эрудицией, и беседовать с ним всегда было и поучительно, и приятно.

Надо сказать, что научные работники – в среднем, не самые открытые люди на свете. Часто они ограничивают свой круг общения коллегами по профессии и близкими друзьями. В этом отношении Рем Григорьевич был исключением. Он с большим интересом, даже с энтузиазмом, общался с людьми самых разных профессий и социального положения. Это и врачи, и преподаватели, и писатели, и представители власти – мэры и губернаторы и пр. У меня такое впечатление, что на протяжении всей жизни он изучал людей, и это было источником его житейской мудрости и одной из основ жизненной философии.

Склонность к широкому общению стала особенно выраженной после удачной глазной операции в 1991 г. – Рем Григорьевич стал видеть, самостоятельно передвигаться без сопровождающего. Он стал еще более подвижен и общителен. Во время одного из его приездов в Москву мы условились встретиться у меня дома (а я живу на окраине Москвы около станции метро «Новогиреево»). Если раньше я его привозил к себе, то первый раз мы решили встретиться в метро, куда он приедет самостоятельно. Я спустился в подземку, увидел издали Рема Григорьевича, стоящего на платформе. Когда я подходил к нему, он сразу сказал: «Здравствуй, Сережа. Я именно таким тебя и представлял». То есть он меня узнал, хотя ранее не видел. Мы долго говорили в этот вечер, о жизни, о науке, обо всем...

Рем Григорьевич руководил подготовкой множества кандидатских и докторских диссертаций. Он также любил оппонировать на защитах диссертаций. Увидев автореферат диссертации его очередного подопечного, я говорил ему: «Вы – заслуженный оппонент, Рем Григорьевич». А он отвечал уже традиционной шуткой: «Не заслуженный, а народный. Ты же понимаешь, что звание «народный артист» выше «заслуженного артиста». Так и с оппонентами!»

Его жизненный путь легким не назовешь. И на Украине, где он родился, и в России, где он прожил большую часть жизни, трудностей и невзгод хватало. Его родные всегда поддерживали его – семья имела для него большое значение. Он являл собой пример силы духа, жизнестойкости и независимости. Совершенно независимо от стран, социально-экономических и политических систем, он жил своей жизнью ученого, преподавателя и организатора науки. В этом своем мире он добился больших успехов – крупных научных достижений и уважения людей.

О Р.Г. ХЛЕБОПРОСЕ

Впервые я встретил Рема Григорьевича на заре моей научной деятельности в 1978 году, на семинаре теоротдела Института физики СО РАН, где докладывал его ученик Виктор Александрович Охонин. Работа была по кинетике популяций, и у физиков было много вопросов. Виктор Александрович отвечал достаточно дерзко, и Рем Григорьевич, сглаживая ситуацию, переводил дискуссию к содержательному обсуждению.

Такое конструктивное, правильное сказать, доброе отношение Рем Григорьевич проявлял не только к работам учеников, а вообще к любым работам. Прежде всего, он старался найти, сформулировать и похвалить то разумное, что есть даже в самой слабой работе. Он находил значимость в результатах, о которой сам докладчик (диссертант) порой и не догадывался.

Он был восхитительным рассказчиком. Мне нравилось слушать его рассказы о минувших временах, о событиях, в которых Рем Григорьевич был либо участником, либо о которых ему рассказывали непосредственные участники. Крайне интересными были его объяснения о том, что значат те или иные широко используемые словечки. Например, многое стало понятно в фольклоре после его объяснения, кто такой «фраер», и что понимается под «честным фраером».

Сергей Игоревич Барцев –

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией теоретической биофизики ИБФ СО РАН.

Очень трогательным было время сразу же после операции, давшей Рему Григорьевичу возможность снова видеть. Он внимательно всматривался в лица давно знакомых людей, заново их узнавая. Мне он сказал: «Так вот какой ты». Надеюсь, что не слишком его тогда разочаровал.

До последних дней Рем Григорьевич сохранял острый ум, активность и, как сейчас говорят, академическую мобильность. Отчасти по этой причине у нас не состоялся иницируемый им разговор – то он куда-то уезжал из города, то я. Рем Григорьевич был мудрым человеком, и я очень сожалею, что не знаю и уже никогда не узнаю, что он хотел мне сказать. Его последний урок «не откладывай важные дела на потом» оказался горьким. Увы!

ПИСЬМО БЛАГОДАРНОСТИ МОЕМУ УЧИТЕЛЮ РЕМУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

Юлия
Дмитриевна
Иванова –
кандидат
технических наук,
научный сотрудник
Института биофизики
СО РАН.

Дорогой Рем Григорьевич, в этом письме мне хочется постараться выразить Вам свою огромную благодарность за Ваше доброе и мудрое отношение ко мне, за те знания и умения, которыми я овладела под Вашим руководством в процессе совместных работ и общения.

Я познакомилась с Вами очень давно, когда Вы вели в моей группе студентов-биофизиков физического факультета Красноярского Государственного университета курс по моделированию в экологии. Рем Григорьевич, Вы с первого взгляда произвели на меня неизгладимое впечатление очень мудрого, всезнающего и обаятельного человека, и я с огромным желанием попросилась к Вам на дипломный проект. Я всегда удивлялась и восхищалась, насколько Вы доверяете и любите людей, даже если это легкомысленные студенты. Вы предложили мне несколько направлений на выбор для дипломной работы, и я выбрала тему загрязнения г. Красноярска поллютантами. На дворе был 1988 г., и эта тема для меня, коренного жителя промышленных районов правобережья города, была очень актуаль-

на. Для меня тот выбор был поистине судьбоносным, потому что эта тема стала для меня ведущей и любимой на многие годы работы. Когда мы с Вами преступили к созданию атласа загрязнения промышленными выбросами г. Красноярска, я могла наблюдать и учиться у Вас, как создаются большие научные группы и продуктивно работают над поставленной задачей. Как умело и мудро Вы руководили этим процессом, доводя начатое дело до успешного завершения. В нашей команде работали биофизики, геофизики, врачи, картографы, биологи, и Вы сумели всех нас вдохновлять на протяжении всего года, пока мы работали над этим проектом (Витязь В.И., Витязь О.В., Дьякова Ю.Д., Дыхно Л.И., Дыхно Ю.А., Пузанов А.А., Хлебопрос Р.Г. Экологические структуры Красноярска. – Препринт 119Б, – Красноярск, 1990. – 68 с.). И неудивительно, что этот атлас, как говорят, «пошел в народ» и выдержал несколько изданий. Эта была одна из пионерских работ по экологии в нашем городе. В то время, работая под Вашим руководством, я приобретала неоценимый опыт сотрудничества, уважения к другому мнению, училась аргументировано отстаивать свою точку зрения и учитывать возможности и особенности каждого, кто работал совместно с нами. Я всегда восхищалась Вашей мудростью и терпению в общении с людьми, старалась научиться Вашему заботливому и милосердному прощению, если человек подводил или ошибался, и Вашему умению не опускать руки, когда что-то идет не по плану.

Я благодарна Вам, Рем Григорьевич, за то, что Вы были для меня не только научным руководителем в моей работе, но я чувствовала всегда в Вас опору, возможность посоветоваться и довериться по любому вопросу. Я выросла без отца, и Вы стали для меня источником мужской отеческой мудрости в решении сложных жизненных проблем. Я помню, с какой тревогой и страхом я звонила Вам, когда не появлялась на работе, будучи в отпуске по уходу за своим первым ребенком уже почти три года, когда узнала, что у меня будет и второй ребенок. Я понимала, что не смогу приступить к работе еще несколько лет и переживала, что потеряю ее совсем. Однако я помню Ваш смех и слова о том, что

дети вырастают, а умные женщины остаются умными женщинами, и Вы меня с радостью подождете. Этой поддержки мне тогда очень не хватало, и я Вам бесконечно благодарна за веру в мои возможности и силы, даже когда я сама теряла уверенность.

Рем Григорьевич, Ваша вера в человека всегда служила мне и всем Вашим ученикам вдохновением и поддержкой на жизненном пути. Мне кажется, в этом и есть секрет успешности Ваших учеников. Только благодаря Вашей настойчивости и Вашей замечательной привычке постоянно двигаться вперед и вовлекать в это движение окружающих Вас людей, не давая остановиться и закиснуть, я поступила к Вам в аспирантуру и вовремя защитила кандидатскую диссертацию. Подготовка диссертации – долгий труд, когда важно правильно рассчитать силы и вовремя проходить все этапы, и без Вашего опыта и поддержки я бы не справилась. Были моменты, когда я чувствовала, что нахожусь в тупике, и только после беседы с Вами у меня появлялся «свет в конце тоннеля», возникали новые задачи, планы и решения текущих проблем. Я помню, с каким мрачным настроением приходила к Вам посоветоваться, и каким мотыльком порхала после того, как Вы с присущей Вам мудростью и юмором развеивали все мрачные тучи вокруг. Под Вашим руководством в процессе работы над моей диссертацией были опубликованы интересные работы по экологическим проблемам г. Красноярска (Дыхно Ю.А., Иванова Ю.Д., Лалетина И.В., Хлебопрос Р.Г. Онкологическая заболеваемость среди лиц молодого возраста в г. Красноярске // Вопросы онкологии. – 1999. – т. 45. – №5. – С. 501-503. Дыхно Ю.А., Иванова Ю.Д., Хлебопрос Р.Г. Экологический кризис в Красноярске: наступление рака // Инженерная экология. – 1999. – №1 – С. 37-42).

Рем Григорьевич, Вы всегда уделяли огромное внимание экологическим проблемам нашего города и здоровью его жителей, большая часть Вашей общественной деятельности была направлена на то, чтобы показать реальное ужасающее положение жителей г. Красноярска как заложников сложившейся негативной экологической ситуации. Ваши выступления по телевизионным каналам с благодарностью помнят все жители города, когда Вы

просто и понятно объясняли, почему сложилась такая нездоровая экологическая обстановка, и чем это грозит жителям. Вашему слову доверяли и верили в Вас, как в защитника экологических интересов жителей города. Меня всегда восхищала Ваша отзывчивость на просьбы журналистов поучаствовать в передачах или интервью. Невзирая на Вашу занятость, Вы всегда находили время и силы объяснить и прояснить трудные и непонятные вопросы большой науки для всех желающих и делали это блестяще. Я всегда была в изумлении и восторге, как Вы умели доступно объяснять сложные и трудные для понимания научные тайны для слушателей Ваших лекций и семинаров.

Мне кажется, Вашим потрясающим талантом была способность увидеть в каждом человеке его скрытый потенциал, развивать в учениках и коллегах их самые творческие, прекрасные и полезные качества. Я благодарна Вам за то, что всегда чувствовала возле Вас защищенность и поддержку, благодарна за Ваше огромное теплое и доброе сердце, наполненное мудростью и милосердием. Мне очень Вас не хватает, но имея привычку советоваться с Вами, Рем Григорьевич, еще со студенческих времен я продолжаю обращаться к Вам за советом и сейчас. Только мысленно.

P.S. Я благодарна Инне Кижнер и Владиславу Григорьевичу Суховольскому за возможность написать это письмо Рему Григорьевичу и выразить в нем свои чувства к моему учителю.

РЕМ ГРИГОРЬЕВИЧ ХЛЕБОПРОС – УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Я познакомилась с Ремом Григорьевичем Хлебопросом в 1981 году, когда ему был 51 год, а мне 60 лет. Он делал доклад в нашем Институте лесоведения. В то время он работал заведующим лабораторией математических методов исследования в Институте леса АН в Красноярске. После доклада он подошел ко мне познакомиться. Мы разговорились. Выяснилось, что он любит классическую музыку, и я пригласила его на концерт в Институт Гнесиных, куда я собиралась пойти вместе с сестрой. В то время он мне не понравился: при знакомстве с женщинами он начинал любезничать и говорить комплименты, и я решила, что он ловелас. Но вскоре я убедилась в своей ошибке: эта манера разговора с женщинами была просто внешней, игрой, не затрагивающей его внутренней сущности.

Через некоторое время я поехала на совещание в Красноярск. Он помог мне устроиться в комнате для приезжих в Институте леса, который располагался в Академгородке, в лесу, на красивом крутом берегу Енисея. Рем Григорьевич пригласил меня в гости и познакомил с женой. Жена вышла поздороваться со мной, но очень быстро ушла, а Рем Григорьевич начал готовить ужин и угощать меня. Меня удиви-

Юдифь Львовна
Цельникер –
доктор
биологических
наук, профессор,
главный научный
сотрудник института
лесоведения РАН.

Рем Григорьевич Хлебопрос и Юдифь Львовна Цельникер, 2006

ло такое поведение его жены, но потом я узнала, что дом Рема Григорьевича никогда не закрывался, и в течение дня к нему непрерывно приходили сотрудники и приезжие гости. Естественно, что жене это надоедало, и она старалась изолироваться от этого. Во время моего пребывания в Красноярске Рем Григорьевич всюду меня сопровождал, вечерами мы гуляли с двумя его собаками. И тут я узнала, что он слепой, что сразу было незаметно – у него было живое выражение лица, не свойственное слепым. Когда я сказала ему об этом, он ответил: «Я знаю, что людям неприятно разговаривать с человеком с неподвижным лицом, и поэтому я за этим слежу». Второй особенностью Р.Г., не свойственной обычно слепым, была необыкновенная эрудиция не только в его профессии, но также во многих других областях – истории, художественной литературе, в ряде наук. Казалось, не было той области, о которой он не имел сведений или не мог ответить на какой-либо вопрос.

Во второй раз я приехала в Красноярск оппонировать докторскую диссертацию. В то время Р.Г. жил в большой квартире с женой, старшей дочерью и двумя собаками. Жена его тогда лежала в больнице, дочь ждала ребенка и плохо себя чувствовала. Р.Г. пригласил меня пожить с ними несколько дней. Я помогала им по хозяйству. Когда у дочери Р.Г. родился ребенок, и она начала его кормить, у нее обнаружили рак груди. Р.Г. отвез ее в Москву и поместил в клинику, где ей сделали операцию и начали лечить химиотерапией. Клиника находилась поблизости от моей московской квартиры. Р.Г. попросил меня разрешить ему жить в моей квартире, чтобы ежедневно навещать дочь. Я в это время была в отпуске и жила за городом – каталась на лыжах. Один из его знакомых ученых попросил свою сотрудницу Анну Рудкову, жившую неподалеку, чтобы она вечерами провожала Р.Г. в клинику.

Через какое-то время Р.Г. уехал в Красноярск, а я вернулась домой. Однажды вечером к нам с сестрой пришла его дочь. Оказалось, что она поссорилась с врачом и ушла из больницы. Пока она рассказывала об этом переживании, раздался звонок и на пороге появился Р.Г. Я была очень удивлена и стала спрашивать его, как он к нам добрался без сопровождения из Красноярска. Р.Г. ответил, что в аэропорту служащий проводил его от самолета до такси, а затем таксист довез его по адресу. Далее он печальным голосом добавил: «Врач сообщила мне, что дочь в таком состоянии, что может покончить с собой, так что возможно, что ее уже нет в живых». «Да вот же она, сидит перед Вами!» – воскликнула я.

В это время у моей сестры обнаружили меланому. Р.Г. попросил врача, который лечил его дочь, хорошего диагноста, проконсультировать ее. Посмотрев сестру, врач сказал мне, что ее болезнь уже далеко зашла, есть метастазы, и вылечить ее не удастся.

Дочь Р.Г. была очень слаба, не могла выдержать лечения химиотерапией, и от него пришлось отказаться. Она уехала домой, прожила там год и умерла. Ребенка удочерила ее сестра, младшая дочь Р.Г. Она работала под Москвой в Академгородке в Пущине, и вскоре жена Р.Г. уехала к ней, чтобы ухаживать за внучкой.

Моя сестра тоже вскоре умерла. Общее горе сблизило меня с Р.Г. Вскоре мы стали друзьями, а наши взаимоотношения стали походить на отношения близких родственников.

В то время он часто бывал в Москве в командировках и останавливался у меня. Когда он приезжал, мой дом превращался в постоянный двор, постоянно звонил телефон, приходили разные ученые. Надо сказать, что Р.Г. в быту был безалаберным: он никогда не мог спланировать свое время. Когда он уходил и говорил, что придет к определенному времени, он почти никогда этого не соблюдал. К его оправданию он звонил и говорил, что откладывает свое возвращение на час-два, но не соблюдал и этот срок. Когда мы садились обедать, звонил телефон и обед прерывался на долгое время. Часто Р.Г. приходил и отказывался от обеда, так как уже где-то поел. В других случаях он приходил, не предупреждая заранее, с одним-двумя гостями, которых нужно было кормить.

Вспоминаю один типичный случай: утром после завтрака Р.Г. сказал мне, что вскоре придет директор Института биофизики из Пущино с сотрудницей, и что Р.Г. специально пригласил его, чтобы я могла послушать их обсуждение научных вопросов. «Что же Вы не сказали мне об этом заранее, – воскликнула я, – ведь мне нечем их кормить!» Р.Г. возразил: «Я купил пачку печенья». Когда гости пришли, началась оживленная и длительная научная беседа. Близилось время обеда. Тогда я осторожно спросила директора: «Каким временем Вы располагаете?» «Я специально освободил весь день, чтобы не спеша и всесторонне обсудить проблему». У меня дома не было никакой приготовленной еды, лишь картошка и сырые кости для собаки. Пришлось мне варить бульон из этих костей, чтобы накормить гостей. Между прочим, Р.Г. любил и умел готовить. Он хорошо готовил плов, и меня научил.

В то время Рем Григорьевич часто ездил в командировки. Его сопровождали либо сотрудники, либо встречали и сопровождали те, к кому он приезжал и с кем вел совместные работы. Таких было много. Часто Р.Г. ездил делать доклады и читать лекции в разных учреждениях. Одна из его командировок была в США.

Там он нашел профессора, который смог сделать ему операцию и вернуть зрение. Операция была уникальной, о ней даже написали в газете, и профессор сделал ее бесплатно, так как она служила ему рекламой. После операции Р.Г. смог без сопровождения ходить по улицам и читать.

Однажды Р.Г. приехал ко мне в сопровождении молодой женщины. Было видно, что она к нему неравнодушна.

Вскоре у них родился сын. Р.Г. пригласил меня в гости, причем сказал: «Я хочу, чтобы Вы увидели, как я счастлив, и познакомить Вас со своим сыном». Поскольку перелет в Красноярск очень дорого стоил, Р.Г. даже оплатил мне дорогу в один конец. Когда я прилетела, сыну его было уже 8 месяцев. Р.Г. взял отпуск на неделю, и каждое утро мы брали коляску с сыном, шли в лес на берег Енисея, садились на полянку с красивым видом на гористые берега реки, и расстилали на траве одеяло. Сын ползал по одеялу, а мы болтали на всякие темы. Когда отпуск Р.Г. кончился, я сама по утрам выходила гулять с ребенком, давая его жене отдохнуть после бессонной ночи.

Р.Г. продолжал все так же часто приезжать в Москву. Иногда всей семьей, иногда с сыном. Его бурная деятельность продолжалась. Обычно мы рано вставали, завтракали, и в 8 часов, если я работала дома, я садилась за компьютер. Р.Г. незаметно для меня входил в комнату. Когда я оглядывалась, я с удивлением обнаруживала, что Р.Г. тихо сидит за моей спиной и думает. Когда у него выдавалось свободное время, мы с ним оживленно разговаривали. Одной из тем разговоров были воспоминания о нашей жизни и встречах с разными людьми. Р.Г. с любопытством расспрашивал

*Юдифь Львовна
с Сашей Хлебопросом, 2001*

меня о моих родных и друзьях и о моем детстве и юности. Особенно внимательно он слушал рассказы о моем университетском профессоре Дмитрие Анатольевиче Сабинине. Этот талантливый человек был антилысенковцем. В 1948 году, после сессии ВАСХ-НИЛ, он выступил на собрании против Лысенко, где нам представляли нового декана – помощника Лысенко. Вместе с другими генетиками и антилысенковцами он был уволен из университета, подвергался бойкоту и через 2 года застрелился.

Р.Г. с удовольствием вспоминал о своем детстве. Оно прошло в еврейском местечке на юго-западе Украины. Р.Г. много мне рассказывал о своем детстве и особенно о своем отце. К сожалению, я многое забыла, но один из рассказов врезался мне в память. Его отец, убежденный коммунист, был председателем еврейского колхоза. В начале тридцатых годов вместе с пятьюдесятью другими председателями колхозов он был приглашен в Кремль для разработки устава сельхозартели. Руководил работой, если я не ошибаюсь, Молотов. На заключительное заседание пришел Сталин. На столах стояли бутылки с грузинским вином, но никто не пил. Сталин спросил, почему никто не пьет, и кто-то сказал: «Мы к этому непривычны, нам бы водочки». Тут же появилась водка. Сталин сказал, что каждый может выбрать в подарок один из трех предлагаемых предметов: часы, фотоаппарат или охотничье ружье. Подвыпивший отец Р.Г. сказал, что он хочет получить два предмета. Все со страхом ждали, как его накажут. Но ничего не произошло, и он получил два предмета – часы и еще что-то. После войны часы на рынке украли, но отец Р.Г. заметил вора и передал милиции. Вор отпирался и говорил, что часы его собственные. Тогда попросили открыть крышку. На ней была надпись «В подарок от И.В. Сталина».

Когда началась война, Р.Г. было 11 лет. Его отца мобилизовали, а Р.Г. с матерью и младшей сестрой были отправлены в эшелоне в эвакуацию. Когда поезд бомбили, выскакивали и прятались поблизости. На станциях эшелон долго стоял, и в это время пассажиры выходили. В одну из таких остановок Рем побежал за кипятком, а поезд в это время ушел. Он отстал от поезда, долго

блуждал, был помещен в детдом, из которого сбежал. Потом как-то оказался в военной части, где его усыновили и сделали связным. Лишь в конце войны Р.Г. нашел свою семью. Оказалось, что его многочисленные родственники, оставшиеся в оккупации, погибли от рук фашистов.

Во время войны Р.Г. занимался разной, иногда экзотической работой – например, одно время он был возчиком в обозе, перевозившем спирт. Зарплату им и получал – это была тогда ценная валюта.

Когда Р.Г. ослеп, общество слепых подарило ему овчарку-поводыря. Ко времени нашего знакомства собаки уже не было в живых, но Р.Г. о ней часто вспоминал. Собака – ее звали Дина – была очень умной. Она быстро усвоила, куда Р.Г. обычно ходит, как зовут его знакомых, и вела его туда, куда он просил. Она пускала всех проходящих в квартиру, но, если хозяев не было дома, не выпускала их.

Р.Г. расспрашивал меня о моей работе, и хотя то, чем я занималась, было далеко от его интересов, он внимательно слушал меня и очень быстро понимал суть проблемы, задавал вопросы и давал ценные советы. Р.Г. любил рассказывать мне о своей работе. Он умел объяснять сложные вопросы простым языком и понятно каждому, даже неподготовленному слушателю. Р.Г. выработал особый метод, благодаря которому он смог исследовать динамику различных процессов в самых различных областях – в экологии (ей он посвятил наибольшее внимание), в социологии и ряде других областей знания. Одна из первых работ Р.Г. – исследование размножения насекомых-вредителей леса, которую он проводил совместно с тогдашним директором Института леса, академиком А.С. Исаевым. Разработка математической модели позволила предсказывать вспышки неограниченного размножения вредителей, ведущие к гибели леса. Тем же методом было разработано предсказание землетрясений, а также рациональная теория размеров штрафов, которые взимались за нарушение состояния природы в результате ее чрезмерной эксплуатации человеком.

К сожалению, через несколько лет зрение Р.Г. вновь ухудшилось, и для передвижения по улицам ему нужен был провожатый. Правда, в научном городке Красноярска, где Р.Г. жил и работал, и в пределах нашего квартала, который был ему хорошо знаком, он передвигался самостоятельно и сам ходил в магазин. Поскольку он не видел товаров, разложенных на полках, он обычно просил женщин помочь ему, и они охотно это делали.

Р.Г. был очень творческим человеком, у него всегда было много идей, он легко знакомился и контактировал с людьми разных специальностей и привлекал их к совместной работе. Да, в сущности, из-за своей слепоты Р.Г. и не мог работать и писать один. Его соавторы читали ему литературу и писали под его диктовку. Одним из существенных недостатков его работы была его самонадеянность. Всякая его идея всегда казалась ему правильной, он не анализировал и не искал фактов, которые могли ей противоречить. Правда, вследствие его таланта и интуиции ошибки у него бывали редко. Это было связано как с его самонадеянностью, так и, возможно, с его слепотой – он не мог в достаточно степени знакомиться с литературой по теме исследования.

У него было много учеников, но ни один из них не мог сравниться и даже приблизиться к Р.Г. по своим способностям. Они усваивали особенности работы Р.Г., ее достоинства и недостатки, но так как они не обладали его талантом и интуицией, недостатки исследований его учеников чаще приводили к ошибкам. Р.Г. всегда преувеличивал способности своих учеников, защищал их и не видел недостатков. И когда Р.Г. тщательно не проверял написанные учениками совместные работы, то они могли его компрометировать.

Он был очень добрым и чутким человеком, всегда помогал другим, чем только возможно. Он был очень внимателен ко мне. Я помню, как он сказал: «Если Вы заболеете, сообщите мне, и я тут же прилечу. Это не значит, что я буду сидеть около и ухаживать за Вами, но я сумею найти нужного врача и обеспечить Вам уход». И я верила, что это так и будет. И действительно, как-то, когда я заболела, а Р.Г. был в Москве, я не могла вызвать врача – вра-

чи-специалисты из районных поликлиник на дом не ходят. Кроме того, в нашей поликлинике соответствующего специалиста не было, была только консультант, которая приходила на короткое время раз в неделю. Р.Г. в сопровождении взрослой дочери отправился в поликлинику, нашел врача (ему повезло – в это время она была там) и уговорил ее прийти ко мне домой. Необходимо заметить, что Р.Г. умел убедить кого угодно в чем угодно. Особенно внимателен он стал после того, как мне исполнилось 90 лет. У меня стали болеть суставы, и я не смогла самостоятельно ходить. В последнее время Р.Г. звонил мне несколько раз в неделю. Правда, разговоры были короткими, и в основном ограничивались обменом сведениями о здоровье, но постоянное внимание было очень ценно и придавало мне больше бодрости.

Он любил быть в центре внимания публики, и на пирушках всегда был тамадой. Любил танцевать и танцевал хорошо. Рассказывать о впечатлениях своей жизни и вообще о чем угодно он мог кому угодно – первому встречному.

Одно время у меня была собака и, гуляя в нашем дворе, я познакомилась с более чем ста собаками и их владельцами. Когда Р.Г. приезжал в Москву, ранним утром до работы мы гуляли с собакой. Все знакомые собачники, завидев нас, тут же сбегались, чтобы послушать рассказы Р.Г.

Несмотря на обилие знакомых, у Р.Г. был только один близкий друг – Абрам Ильич Фет. Это был талантливый математик, на шесть лет старше Р.Г. Вместе с ним Р.Г. написал книгу «Природа и общество: модели катастроф». Когда Р.Г. познакомил меня с Абрамом Ильичом, он уже не работал в учреждении, а занимался переводами научных и научно-популярных книг, а также писал большую монографию под названием «Инстинкт и социальное поведение», в которой изложил свои взгляды на природу человека и историю развития человечества. Книга поражает громадной эрудицией автора по многим вопросам.

Фет жил в Новосибирске, и Р.Г. часто ездил к нему. Они много спорили по научным вопросам. При участии еще одного друга Фета, Алексея Всеволодовича Гладкого, специальность которого

– математическая лингвистика, они основали электронный журнал под названием «Современные проблемы. Библиотека». В библиотеке печатаются популярные произведения ученых разных специальностей – от физики и естественных наук до социологии, а также воспоминания. Большая часть этих произведений публикуется впервые.

До последних дней своей жизни Р.Г. много работал: заведовал лабораторией, читал лекции в университете (это он любил, и умел доходчиво и увлекательно излагать сложные вещи). Тематика его работ была многообразной. Так в последние 14 лет он возглавлял центр по исследованию сложных систем при Красноярском научном центре СО РАН, в котором был директором и научным руководителем. Его сотрудники на мышах изучали действие препаратов против рака.

Несмотря на свою слепоту и многие другие болезни Р.Г. никогда не жаловался. Помню, что как-то, когда я пожаловалась на свое здоровье, Р.Г. сказал мне: «Не жалуйтесь, мне хуже, чем Вам, но ведь я не жалуясь».

Он всегда был активным и жизнерадостным. Думаю, что люди, даже бегло знакомые с ним, никогда не забудут этого мужественного и яркого человека.

МОИ ВСТРЕЧИ С Р.Г. ХЛЕБОПРОСОМ

Нормальное развитие науки невозможно без обсуждения научных проблем, без научной общественности. К сожалению, люди науки в Красноярске остаются разобщенными. В частности, объединение нескольких вузов в Сибирский федеральный университет не привело к объединению научных сил. Расположенные в различных частях города вузы так и остались раздельными, с научной точки зрения.

В значительной степени красноярскую науку объединял Рем Григорьевич Хлебопрос; теперь мы чувствуем, как его нам не хватает.

Валентин Борисович Кашкин – доктор технических наук, профессор Сибирского федерального университета.

*Рем Григорьевич Хлебопрос (сидит)
с Валентином Борисовичем Кашкиным (слева)
и Владимиром Петровичем Якубовым (справа)*

Рем Григорьевич был высокообразованным ученым, обладал могучим интеллектом, был интеллигентен и очень общителен. Кроме того, он имел незаурядные организаторские способности. Незаметно было даже, что у него слабое зрение. Он презирал приспособленцев от науки, которые, не имея своих идей и ловко обходя возможность обвинения в плагиате, занимают страницы журналов своими творениями.

Рем Григорьевич всегда был окружен учениками, все время обсуждались какие-то вопросы. К нему приходили уже состоявшиеся физики, биофизики, экологи, биологи, экономисты, медики. Часто проводились научные семинары. В случае необходимости он мог организовать выступление приходящих к нему специалистов в ведущих научных организациях Советского Союза и России. Раз в два года Рем Григорьевич собирал всероссийский симпозиум «Сложные системы в экстремальных условиях». Вспоминаются симпозиумы в Саянах в туристическом лагере «Снежный барс», в Ергаках и на озере Шира, где нас окружала замечательная природа, и где можно было встретиться с известными учеными различных направлений.

Мне довелось близко познакомиться с Ремом Григорьевичем в 80-е годы. Свои научные и житейские проблемы обсуждали с ним также моя супруга Л.В. Кашкина, дочери М.В. Одинцова и Т.В. Долганина. И на меня, и на членов моей семьи Рем Григорьевич оказал значительное влияние.

В 80-е годы я заинтересовался компьютерной обработкой изображений – аэрофотоизображений и спутниковых снимков Земли. При встрече Рем Григорьевич предложил мне интересную задачу – придумать, как описать расположение деревьев естественного древостоя на изображении. Деревья можно представить точками на плоскости, точки расположены хаотически, но существуют и определенные закономерности. Рем Григорьевич организовал мне полезное выступление на семинаре у крупнейшего российского специалиста по статистической радиофизике члена-корреспондента АН СССР и РАН С.М. Рытова. Результатом наших с Хлебопросом исследований явилась теория случайных импульсных полей, статьи в престижных журналах, защита канди-

датской диссертации нашим общим учеником А.Н. Борисовым. Неоднократно обсуждались материалы будущей кандидатской диссертации О.П. Стебелевой – ученицы моей супруги. Моя старшая дочь М.В. Одинцова стала кандидатом медицинских наук.

В начале 90-х годов в красноярском Академгородке усилиями академика А.С. Исаева была установлена станция для приема изображений земной поверхности с искусственных спутников Земли в реальном масштабе времени. Возник новый этап обработки и исследования изображений в Красноярске. Совместно с А.П. Сухининым при участии Рема Григорьевича мы неоднократно обсуждали проблему обнаружения лесных пожаров по спутниковым данным. Была разработана эффективная методика обнаружения.

Искусственные спутники позволяют получать информацию не только о поверхности Земли, но и об ее атмосфере. Ежедневно регистрируется и выставляется в Интернет глобальная цифровая карта озонного слоя Земли. Интерес к озонной проблеме связан с важной экологической миссией озонного слоя – защитой всего живого на Земле от губительного ультрафиолетового излучения Солнца. Однако в XX веке суммарное количество озона на планете постепенно уменьшалось (в XXI веке оно начало несколько увеличиваться).

В конце XX века было обнаружено, что весной в Южном полушарии ежегодно, на 3–3,5 месяца, возникает обширная озонная аномалия – область со значительным, примерно в три раза, уменьшением количества озона. Эта область (озонная дыра) окружает материк Антарктида. В это же время вблизи 45° южной широты временно возникает гигантское кольцо с аномально высоким содержанием озона. Факт глобального уменьшения количества озона и появления озонной дыры был ловко использован крупными зарубежными химическими концернами в своих интересах. А грантовая система поддержки ученых позволила направить исследования в нужное для этих концернов русло.

В лабораторном эксперименте было показано, что под действием ультрафиолетового излучения Солнца некоторые искусственно созданные вещества разлагаются, а продукты разложения способны «убивать» озон. К таким веществам, в первую очередь, отнесли фреоны, которые применялись в качестве хла-

дагента в холодильниках и кондиционерах. Средства массовой информации довели до всех сведения о вреде фреонов. Были подписаны Венская конвенция и Монреальский протокол о защите озонового слоя. Научные коллективы активно искали возможные химические реакции, которые приводят к разрушению озона. Фреоны были запрещены. Химические концерны предложили новые хладагенты, не разрушающие озон. Население Земли сменило холодильники и кондиционеры на новые, а химические концерны заработали триллионы долларов.

Остались без ответа многие вопросы: почему озонная дыра возникает в Южном полушарии, хотя фреоны вырабатываются в Северном; почему эта дыра возникает вновь, хотя при подписании Монреальского протокола в 1986 г. было объявлено, что к 2010 г. она непременно исчезнет, и многие другие. Сложное геофизическое явление – Южная озонная аномалия – даже не исследовалась.

Вопросом исследования озонного слоя занялась наша небольшая группа (В.Б. Кашкин, Т.В. Рублева, И.В. Сакаш и студенты старших курсов) при участии Р.Г. Хлебопроса. Использовались данные с искусственных спутников Земли, выкладываемые в Интернет агентством NASA (США). Результатом 12-летней работы явились статьи в престижных журналах, выступления на многочисленных конференциях и защиты кандидатских диссертаций Т.В. Рублевой и И.Ю. Сакаш. В 2015 г. в издательстве Сибирского федерального университета вышла монография «Стратосферный озон: вид с космической орбиты», авторы В.Б. Кашкин, Т.В. Рублева, Р.Г. Хлебопрос. В ней озонный слой исследован не с химической, а с геофизической точки зрения. Удалось разработать методы слежения за движением масс озона по спутниковым данным и построить физические модели такого движения. Изучены тренды общего содержания озона, выявлены причины различия в поведении озонного слоя в Северном и Южном полушарии и многое другое. Был исследован процесс образования и заполнения озоновой дыры. Выяснилось, что в начале весны Южного полушария естественным образом происходит перенос озона из приполярных широт в средние, с образованием озонной дыры в приполярных широтах. Одновременно появляется кольцо с

аномально высоким содержанием озона в средних. В октябре и ноябре происходит обратный перенос из кольца в приполярные широты, «дыра» заполняется, кольцо исчезает. Как написал Р.Г. Хлебопрос в последних строках нашей общей монографии, «озоновые дыры не рукотворный объект – результат воздействия фреонов, а природный феномен».

Состояние озонного слоя – это глобальная экологическая проблема. Но Р.Г. Хлебопрос не мог обойти и местные экологические проблемы – Красноярска и Красноярского края. Под его руководством в Академгородке работал городской экологический семинар, собиравший цвет научной мысли города, причем в зале Дома ученых обычно не хватало мест. Обсуждались различные вопросы: загрязнение воздушного бассейна, режим «черного неба», медицинские проблемы, температурный режим Енисея и другие вопросы. Предложения и рекомендации семинара доводились до городских и краевых властей, но, к сожалению, изменения к лучшему пока не заметны.

Наконец, в начале 2018 года, уже после смерти Хлебопроса, президент Российской Федерации В.В. Путин в специальном указе потребовал существенно улучшить экологическое состояние в стране. В связи с этим красноярские власти планируют в течение 6 лет уменьшить вредные выбросы в атмосферу «Русалом» и Сибирской генерирующей компанией (СГК). Предполагаются и другие мероприятия. А как же быть с Енисеем? Может быть, от услуг СГК следует вообще отказаться?

Р.Г. Хлебопрос неоднократно предлагал организовать отопление города за счет тепла, вырабатываемого «Русалом» при производстве алюминия. Он рассказывал, что в Канаде на большой реке, как и на Енисее, построена мощная ГЭС, энергия которой также используется при выплавке алюминия. Как и красноярцы, жители города близ ГЭС испытывают определенные неудобства. Однако в Канаде в качестве компенсации для этих жителей электроэнергия отпускается бесплатно.

Приходится сожалеть, что без Р.Г. Хлебопроса с его знаниями, энергией, высокой гражданской позицией, решение насущных экологических проблем Красноярска становится проблематичным.

Грачъя
Паргевович
Саркисян –
кандидат физико-
математических
наук, докторант
Сибирского
федерального
университета,
старший научный
сотрудник, главный
инженер Института
химической
физики имени
А.Б. Налбандяна
Национальной
академии наук
Республики
Армения.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РЕМЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ХЛЕБОПРОСЕ – УЧИТЕЛЕ И ДРУГЕ

Рем Григорьевич Хлебопрос – столь важное явление в моей жизни, что я всегда буду говорить о нем в настоящем времени.

Я никогда не жаловался на свою память. Я помню все, начиная с 2–3 лет. Проще перечислить, чего я не помню. Я не помню, когда познакомился с моими родителями и братьями, но я во всех подробностях помню свои знакомства в Сибири – как запланированные, так и случайные.

Знакомство с Ремом Григорьевичем было, по-видимому, предопределено какой-то вынужденной необходимостью. И я признателен судьбе, что первое неслучайное знакомство в Сибири произошло именно в красноярском Академгородке, в теоретическом отделе Института физики СО АН СССР. В конце января 1982 года я познакомился там с молодым ученым Рауфом Садыковичем Исаковым¹, с которым мы дружим до сих пор. Как оказалось в дальнейшем, среди учеников Великого Учителя он в то

¹ Рауф Садыкович Исаков – доктор физико-математических наук, профессор, специалист в области физики магнитных явлений, заведующий лабораторией физики магнитных пленок Института физики им. Л.В. Киренского Сибирского отделения РАН.

*Г. П. Саркисян и Р. Г. Хлебопрос в научном кафе
Сибирского федерального университета. Красноярск, 2014*

время занимал место самого любимого ученика. А за всю свою жизнь Рем Григорьевич руководил 66 кандидатскими (в том числе и моей) и 13 докторскими диссертациями.

В то время я уже второй год работал в Красноярском мединституте, и к весне стало очевидно, что моя дальнейшая научная карьера там не может продолжаться. По инициативе Рауфа и с согласия Рема Григорьевича я приехал к нему в гости. Меня потрясла эрудиция этого ученого, который сходу легко определил блок-схему формализации моей идеи о разработке теории описания метода лазерной дифрактометрии. Встреча длилась больше двух часов. За это время Рем Григорьевич проявил себя не только интересным собеседником, но и радушным хозяином. Позже я еще узнал его как гениального учителя и тонкого ценителя армянской национальной кухни. Особенно высоко он ценил национальную гордость армянского народа – коньяк Арарат.

Вдохновленный профессиональными советами Хлебопроса, я стал разрабатывать математическую модель дифракции лазерного излучения на мазке цельной крови в точности по блок-схеме, предложенной им во время первой встречи. А примерно

Р. Г. Хлебопрос (в центре) в доме отдыха Краснозаводский, село Кротово Боготольского района Красноярского края, среди участников Школы молодого специалиста сотрудников КНЦ СО АН, 1987

через полгода, когда я вернулся из Новосибирска, где проходил курсы повышения квалификации преподавателей медицинских вузов, мы случайно встретились в красноярском Академгородке. Его сопровождал молодой мужчина, лет на 7–8 старше меня. Это был Александр Николаевич Горбань¹ – впоследствии мой научный руководитель и дорогой друг.

Рем Григорьевич стал ему так подробно рассказывать о нашей первой встрече, как будто это было вчера... Он начал так (я до сих пор помню даже интонацию его голоса): «Саша, познакомься, его зовут Грачик, что дословно с армянского переводится как огнеглазый. Это тот армянин-физик, который недавно рассказал мне о своей идее математического моделирования дифракции лазерного излучения на эритроцитах. И знаешь, я ему посоветовал

¹ Александр Николаевич Горбань – доктор физико-математических наук, профессор. В Красноярске был заместителем директора по науке Института вычислительного моделирования СО РАН. Ныне живет в Великобритании, заведует Центром математического моделирования и кафедрой прикладной математики Лейстерского университета.

использовать схему, аналогичную той, что мы используем для математической обработки космических снимков лесных территорий». Рем Григорьевич спросил, в каком состоянии у меня решение этой проблемы. И когда я сообщил, что уже решил поставленную задачу и готов рассказать на семинаре, надо было видеть его восторг. Он сказал, что как настоящий армянин я заслужил хорошего армянского коньяка у него в гостях...

В конце 1983 года Рем Григорьевич попросил Евгения Александровича Ваганова¹ принять меня на работу в его группу в Институт биофизики СО АН СССР. А в начале октября 1984 года, прямо во время заседания диссертационного совета в Институте биофизики, где проходила защита докторской диссертации Е.А. Ваганова, Александр Николаевич Горбань с согласия Рема Григорьевича со свойственной ему легкостью сделал постановку задачи моей будущей кандидатской диссертации в области описания нелинейной многокомпонентной диффузии. Рем Григорьевич тут же предложил А.Н. Горбаню быть моим научным руководителем, в очередной раз сыграв важную роль в моей судьбе, за что я ему признателен всю свою жизнь.

В дальнейшем у нас с Ремом Григорьевичем были самые тесные отношения. Он вместе с Александром Николаевичем стал научным руководителем моей кандидатской диссертации, защита которой прошла в декабре 1988 года. Он продолжал меня консультировать по теме лазерной дифрактометрии эритроцитов. Спустя годы, в январе 1995 года, мы с ним вместе были научными руководителями кандидатской диссертации на эту биофизическую тему.

Дружба с Ремом Григорьевичем по воле судьбы продолжалась до самых последних дней – 35 лет. А в последние 7 лет он в буквальном смысле был для меня самым близким другом. Будучи докторантом очного обучения в СФУ, я в это время очень

¹ Евгений Александрович Ваганов – советский и российский эколог, биофизик и дендролог, академик Российской академии наук. С 2006 по 2017 был ректором Сибирского федерального университета.

Грачья Саркисян, Гамлет Бадалян и Р. Г. Хлебопрос на XVI симпозиуме «Сложные системы в экстремальных условиях». Красноярск, 2012

много времени проводил с семьей Рема Григорьевича. Сказать, что жена Рема Григорьевича Инна Александровна Кижнер и все его родные принимали меня очень тепло и с радостью, значит сказать очень мало. Они принимали меня как родного. Это были самые светлые дни в моей жизни.

Энциклопедические знания Рема Григорьевича в самых разных областях науки делали его незаменимым как оппонента, как консультанта и как генерирующего идеи советника. Его интересы не ограничивались только наукой. Он хорошо знал древнюю историю разных народов и высоко ценил дружбу людей самого разного национального происхождения. Огромный круг научных интересов Рема Григорьевича стал для меня стимулом стремления к разносторонним знаниям.

Он был исключительно гуманный человек и ученый. Всю свою научную деятельность он строил на ценностях рода человеческого, на бескорыстном служении людям. Главной истиной Хлебопроса как ученого была наука для человека. На всю жизнь мне запомнилась история, которая произошла в декабре 1987 года в доме отдыха Краснозаводский, где проходила Школа молодого

Р. Г. Хлебопрос и Г. П. Саркисян (в первом ряду слева) на лекции Александра Николаевича Горбаня. Красноярск, 2013

специалиста сотрудников институтов КНЦ СО АН СССР. По предложению Рема Григорьевича мы жили вместе в одной комнате (ему всегда было уютно, когда я проявлял к нему внимание и заботу). На одном из заседаний Школы речь шла о месте, роли и важности науки в жизни человечества. И когда ведущий заседание в своей речи произнес похвальные слова в адрес одного из создателей оружия массового поражения, Рем Григорьевич не смог сдержать свой протест и объявил, что для него грош цена заслугам ученого, деятельность которого была направлена против человеческого счастья.

Он часто повторял, что прожил хотя и трудную, но полноценную и счастливую жизнь. Его не смогли сломить даже самые страшные трагедии – почти полная потеря зрения в молодости и смерть 34-летней дочери после тяжелой болезни. Я был потрясен и стал еще больше уважать его как родителя, когда в начале мая 1986 года, прямо перед кончиной Татьяны Ремовны, он со свойственной ему искренностью, как будто давая себе клятву, сказал, что обязан прожить еще хотя бы 20 лет, чтобы успеть вырастить внучку – трехлетнюю дочь умирающей Татьяны. А когда

Рем Григорьевич узнал, что мой отец серьезно болен, он сделал все возможное, чтобы я срочно полетел в Ереван. Проявление такой чуткости и внимания к окружающим для него было естественной нормой поведения.

Общение с Ремом Григорьевичем всегда было удовольствием не только для меня, но и для моих родственников – отца, матери, братьев и моих старших сыновей Давида и Андраника. У него сложились самые теплые отношения с моей женой, биофизиком Наирой Сергеевной Багдасарян, и нашим славным сыночком Сергуликом. Малыш с удовольствием общался с «белым и добрым дедушкой».

О Реме Григорьевиче можно вспоминать бесконечно, и я надеюсь со временем подробнее рассказать об этом замечательном человеке и ученом, о старшем друге и учителе.

СЕРГЕЙ БАЯКИН ПРО РЕМА ХЛЕБОПРОСА

В начале восьмидесятых на Столбах было беспокойно, как беспокойно там было, есть и, похоже, будет всегда. Но в эти годы мы, столбисты, были уже не просто безбашенные любители скал, тайги, гитар, драк и песен, но еще и чемпионы Советского Союза по альпинизму, которых не заметить в этом городе было уже невозможно. Нас заметили руководители заповедника и начали сжигать наши лесные избушки, в которых мы могли притулиться и обогреться после своих спортивных подвигов на скалах.

Столбисты – народ разношерстный и неординарный. Свой первый организационный съезд они решили устроить ни больше ни меньше как в Доме ученых Академгородка, где я и услышал впервые необыкновенную фамилию необыкновенного человека – Хлебопрос. Выступление Рема Григорьевича было исключительно эмоциональным и ярким, даже завораживающим. Из него я запомнил, бесконечно повторял и буду повторять как заклинание его ключевую фразу: «Столбисты – самая главная, неотъемлемая составляющая заповедника «Столбы».

Меня подвели к Рему Григорьевичу и представили его как известного в этом

Сергей Геннадьевич Баякин – кандидат технических наук. Член ОНК общественной палаты РФ 2002–2012 гг. Мастер спорта по альпинизму, чемпион СССР по альпинизму, председатель Федерации альпинизма Красноярского края. Принимал участие в полетах на Северный полюс, был руководителем красноярской экспедиции «Эверест-96». Автор и исполнитель авторских песен.

Рем Григорьевич Хлебопрос и Сергей Геннадьевич Баякин

мире ученого. Глядя на него, я сразу вспомнил портрет Эйнштейна. Мы пожали друг другу руки, и с тех пор пожимали их до самого последнего его дня.

Потом мы встречались при самых различных обстоятельствах – на конференциях, симпозиумах, за наперстком коньяка, за чашкой кофе. При этом меня не покидало ощущение, что я общаюсь с каким-то вселенским интеллектом, и что мне бесконечно повезло в этой жизни. Энциклопедическая глубина знаний, живая, почти детская любознательность, искренняя заинтересованность, тактичность и уважительность были неотъемлемой частью его

личности и постоянно сопровождали наше с ним общение, наши дела и нашу дружбу. Мы много сделали вместе, и еще больше не сделали. Но самое главное – в каждом человеке Рем Григорьевич видел потенциального исследователя. Особенно в молодежи. Каждый студент, каждая аспирантка чувствовали себя рядом с ним личностью. Ради своих подопечных он врвался в кабинеты чиновников от науки, чиновников от власти и прочих всеупомянутых, не взирая на их ранги, чтобы отстоять место в общежитии, полставки в проекте, публикацию в журнале. И подопечные его не подводят. Научные интересы Рема Григорьевича простирались от искодового клеща до энергии нейтрона при термоядерной реакции. В этом у нас было много общего, и в конце концов при долгих наших беседах мы пришли к общему выводу: кто считает себя ученым с большой буквы, должен разобраться во всем, а кто называет себя физиком (химиком, математиком и др.) – всего лишь ремесленник от науки. Именно всестороннее понимание любого процесса этого мира дает возможность открывать неоткрытое, познавать непознанное, создавать несозданное. Именно такой подход привел меня к идее наконец-то оформить давно созревшую тему финансово-энергетического баланса. Когда я писал эту монографию, мы много обсуждали, спорили, во многом не соглашались. В конце концов я предложил Рему Григорьевичу если и не писать вместе, то, как минимум, быть соавтором монографии для пущей важности и значимости. Он посмотрел на меня как на врага: «Неужели ты думаешь, что я, Рем Хлебопрос, способен быть соавтором чужой идеи?»

И в этом был весь Рем Григорьевич Хлебопрос – ученый до мозга костей, ученый с большой буквы!

**Ефим Яковлевич
Фрисман –
доктор
биологических
наук, член-
корреспондент РАН,
директор Института
комплексного
анализа
региональных
проблем
Дальневосточного
отделения
Российской
академии наук.**

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОИХ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ВСТРЕЧАХ С РЕМОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ХЛЕБОПРОСОМ

В молодости я обращался к нему «Рем Григорьевич», много позже просто по имени – он так настаивал. Сейчас он в моей памяти, конечно же, Рем – очень своеобразный и очень приятный Человек.

На семинар к Рему меня году в 1988 привел Александр Николаевич Горбань. Горбаня я встретил в Нижнем Новгороде (тогда еще в Горьком) на Школе-семинаре Н.Н. Моисеева. Я в то время подумывал о защите докторской и обсуждал варианты. Горбань рекомендовал доложиться на семинаре у Рема.

Про мои работы Рем тогда что-то знал. Моя кандидатская обсуждалась его учениками.

Кроме того, у меня была заочная дискуссия с Ремом о том, кому быть моим руководителем по кандидатской диссертации. В общем, Рема я тогда побаивался.

Но послушался Горбаня, пересилил себя и приехал на семинар. Это оказалось очень правильным решением. Семинар был классический для наших школ – с правом любых вопросов докладчику по ходу

дела, но с заинтересованностью и стремлением разобраться в сути полученных результатов и высказыванием разумных пожеланий и предложений, как для улучшения результатов, так и для выигрышного ракурса их изложения. Вокруг Рема тогда была небольшая, но вполне слаженная команда. Со многими из этой команды у меня установились дружеские деловые взаимоотношения.

Семинар оказался для меня очень полезным. На меня произвело сильное впечатление то обстоятельство, что Рем попросил каждого (!) присутствующего высказать свое мнение об услышанном. И это после доклада с кучей вопросов по ходу и после и с последующим обсуждением. В итоге я уверовал, что двигаюсь в правильном направлении, но узнал много нового о том, как правильно надо было это делать и как лучше это делать в будущем. Еще мне очень понравилась форма проведения семинара, и я пытался внедрить ее в своих подразделениях, но до ремовского идеала дотянуть так и не удалось.

С тех пор мы поддерживали с Ремом тесные взаимоотношения, особенно в начале 90-х. В частности, кажется, в 91-ом в Институте биофизики СО РАН защитился сотрудник нашей лаборатории Александр Тузинкевич.

Затем был длительный перерыв – неразбериха середины и конца 90-х, много преподавательской работы, меньше науки.

Но после моего переезда в Биробиджан в 2002 г. все как-то постепенно восстановилось. Возобновились конференции и поездки (в том числе благодаря грантам РФФИ). Мы снова пересеклись с Ремом – первый раз, кажется, в Пущино – и начался ренессанс нашего научного общения. Этому в большой степени способствовала эпопея с защитой его ученицы Оли Вшивковой, поездка Рема во Владивосток с заездом на обратном пути ко мне в Биробиджан и его феерическими докладами в нашем институте и в местном университете.

Приезд Рема в Биробиджан совпал по времени с празднованием Хануки. Я повел Рема на площадь, где зажигалась Ханукальная свеча, и на местные посиделки по случаю этого события.

Тут Рем очень оживился и попытался организовать дискуссию с нашим молодым, вполне симпатичным, но явно малообразованным раввином. «Сколько можно талдычить одно и то же, не считаясь ни с логикой, ни со знаниями, – говорил Рем. – Ведь существуют законы физики, закон сохранения массы... Чудеса не могут отменять эти законы. Придумайте что-нибудь поинтереснее...» Раввин, никогда не участвовавший в таких дискуссиях и никогда не сталкивавшийся с такой бурной полемикой, стоял, открыв рот и пытаясь изобразить снисходительную улыбку. Как всегда, все остались при своих убеждениях, и в соответствии с традициями воздали должное хорошему вину и фаршированной рыбе.

Когда мои биробиджанские ученики вышли на защиты, Рем оказался тем уникальным оппонентом, который легко и глубоко ориентировался во всей нашей тематике, и она ему явно нравилась. Благодаря новым грантам РФФИ, поддерживающим мобильность, в том числе стажировки молодых ученых, у нас появилась возможность обмениваться стажерами и надежда на общие исследования. Одно из них, благодаря природной настойчивости и целеустремленности основного автора, Галины Неверовой, удалось довести до публикации в журнале «Биофизика».

Для Рема определяющим в результате всегда была хорошая идея. Точнее, идея и была результатом. Если результаты моделирования недостаточно хорошо соответствовали сформулированной идее, сформулированной догадке, то тем хуже для модели.

Мне кажется, что эта особенность Рема была связана с его слепотой. Он не мог сам исследовать модели, но это компенсировалось энциклопедическими знаниями и виртуозной логикой. Он слушал, что ему говорят, все подмечал и сопоставлял это с тем, что было в уникальной «базе» его знаний. То, что появлялось в ходе этого анализа, и было результатом. Иногда явно недоработанным, но всегда оригинальным и перспективным.

Вообще, к слепоте Рема я достаточно быстро привык и перестал ее замечать. Когда я вдруг спохватывался и понимал, насколько ему все непросто, мне становилось неловко, а он, преодолев препятствие, продолжал путь, доклад, беседу, как ни в чем не бывало.

Наряду с научными темами с Ремом очень интересно было обсуждать и морально-этические, и бытовые проблемы, как связанные с поведением отдельных людей, так и общие для социума. Здесь Рем часто выдавал очень оригинальные и яркие формулировки, и спорить с ним было очень непросто, но крайне интересно. В качестве примера, помню сформулированные Ремом условия для защиты диссертации (в основном докторской, но частично годятся и для кандидатской): личное желание, научный Результат и Слава. Под Славой понималась известность соискателя среди исследователей в данной области, ну и Результат должен был восприниматься ими как вполне достойный. Я много раз цитировал эти условия для своих коллег и учеников и часто убеждался, что при нормальных требованиях к работе это очень правильные условия (хотя они и не являются ни необходимыми, ни достаточными).

**Аргента
Антониновна
Титлянова –
доктор
биологических
наук, профессор,
главный научный
сотрудник института
почвоведения СО
РАН, г. Новосибирск.**

РЕМ ГРИГОРЬЕВИЧ ХЛЕБОПРОС

Я не помню точно, где мы познакомились с Ремом. Скорее всего, на математических школах в Абрау-Дюрсо. Я слышала, как он выступал, видела, как писал формулы на доске, как легко снова садился на свое место. Кто-то сказал мне, что Рем слеп, и слеп уже давно, но он умеет делать все, что умеет зрячий человек, и надо его знать, чтобы понять, что он слеп.

А я шла по дорожке и думала: «Может многое, но не все. Вот читать художественную литературу не может. Но, наверное, кто-то читает ему эти новые (давно запрещенные) книги, которые у всех на слуху».

У меня была с собой любимая книга «Мастер и Маргарита». Я дошла до своего коттеджа, взяла книгу и пошла обратно. Коттедж Рема стоял близко к берегу, и там было много солнца. Был перерыв перед обедом, когда вся публика плескалась в море, а Рем сидел один на лавочке около своего коттеджа. Я подошла и по своей привычке – без всякого захода, прямо – спросила: «Вам кто-нибудь читает художественные книжки?» «Редко», – ответил Рем. «А Вы слышали о книге «Мастер и Маргарита?» «Слышал, конечно, но не читал». «Тогда я буду Вам ее читать в перерыве между лекциями или вместо неинтересных лекций. Только мне нужны тень и кресло». Рем молча вынес кресло и

Аргента Антониновна Титлянова и Рем Григорьевич Хлебопрос среди участников летней экологической школы. Иркутск, 1997

поставил его в тень. «Начнем», – сказала я. «А можно мне Вас спросить, – произнес Рем, – Вы всегда вот так в лоб?» «Наверное». И мы начали читать. За десять дней мы прочли и обсудили эту замечательную книгу.

Прошел год, зимней школы не было, и с Ремом мы не встречались, но вновь в Абрау-Дюрсо встретились и встретились радостно. «Что на этот раз?» – спросил Рем. «Сто лет одиночества (Маркеса)». Это была большая книга, и я не помню, смогли ли мы ее дочитать до конца.

Зимой Рем приехал в Академгородок и зашел ко мне в гости. Пришли мы вместе. Рем быстро дотронулся рукой до правой и левой стороны коридора, помог мне снять шубу и повесил ее точно на плечики на вешалку. Дверь моей комнаты была открыта, и оттуда лился свет (свет Рем видел). «Это твоя комната?» «Да». Он вошел в комнату, немного постоял, потрогал ногой ковер и спросил: «Вероятно, справа твоя кровать, а слева столик с креслами?» «Да». Легко дотронувшись тростью до кресла, он в него сел и подождал, пока я принесу чай и сяду напротив него. О чем мы раз-

говаривали, я не помню, вероятно, о науке, о наших общих знакомых и об Академгородке. Разговор был довольно длинным, я все время смотрела на Рема, видела, что его лицо отличается чем-то от лиц других слепых, и не могла понять, в чем же состоит различие. Наконец, сказала: «Рем, у тебя лицо зрячего человека, но я не понимаю, чем оно так отличается от лиц других слепых». «Мимикой, – ответил Рем. – Лицо зрячего человека все время меняется во время разговора, меняется в соответствии с выражением лица и голосом собеседника. У слепых лица почти неподвижны». «Как ты добился, как сумел оживить свое лицо?» – спросила я. «Я специально этому учился». «У врачей?» «Нет. У актеров. Я пришел в свой любимый театр, поговорил с одним из режиссеров, и тот очень увлекся новой задачей. Со мной работали и он сам, и его ученики, и, в особенности, женщины, которые видят и чувствуют мимику лучше, чем мужчины». «И ты научился?» «Как видишь!» «А сколько тебе пришлось учиться?» «Около года. Видишь ли, в чем дело. Я был физиком-экспериментатором, работал на сложной установке с большим количеством стеклянных трубок. Произошел взрыв. Стекло брызнуло мне прямо в лицо. Один глаз вытек. Другой сохранился, но зрение я почти потерял. Говорю «почти», потому что кое-что вижу – свет, лампочку, что-нибудь красное. Потому люблю женщин в красных платьях. У тебя есть летнее красное платье, и я тебя узнаю и приветствую первым. Трагедия произошла, но надо было жить, и я решил научиться жить так, как живут зрячие. Я выбросил белую палку, приобрел легкую тросточку, научился ходить легко, научился по голосу определять тип человека и научился слушать и разговаривать». «Рем! Это было трудно?» «Да, это было нелегко, но самое трудное было переквалифицироваться из физика-экспериментатора в физика-теоретика. Об этом не буду долго рассказывать, учился читать лекции, выдержал специальный экзамен и был к этому допущен. Но ты же видела, как я читаю лекции!» Видела, как он говорит, как что-то пишет на доске, иногда стирает написанное и снова пишет, переносит строчку, делает замену коэффициентов – в общем, нормально читает сложную теоретическую лекцию!

Во время разговора я пила вино, Рем – коньяк. Я расплескала вино, Рем не уронил ни капли коньяка.

«Да, – добавил он, – еще что важно – представлять лицо, руки, фигуру каждого человека, с которым имеешь дело. Видеть (он сказал ВИДЕТЬ!) человека, а не абстрактные муляжи». Разговор продолжался долго. Рему надо было идти в гостиницу. Я настояла, чтобы мой сын его проводил – было скользко. Когда Дима (мой сын) вернулся, он сказал: «Мама, чего это ты мне говорила, что Рем слепой, да он все видит!» Я не стала разубеждать сына.

Особенно близко мы сошлись с Ремом, когда создавали организацию «Социальная экология». Не знаю, где и когда Рем встретился с известным финансистом Соросом. Он убедил Сороса дать грант на обучение детей и учителей современной экологии. Деньги были значительными. Вначале мы организовали две Школы для учителей и молодых преподавателей вузов. Для их проведения арендовали (как правило) санатории, где могли разместиться более ста человек. Программа была напряженной – лекции, практические занятия, полевые экскурсии.

Одна Школа проходила в Иркутске, где мы смогли арендовать небольшой паромик для экскурсий по Байкалу вплоть до города Байкальск, где находится завод по производству целлюлозы. Именно этот завод загрязняет Байкал. Рем организовал приезд нескольких ученых из Лимнологического института. Они прочли ряд лекций о флоре и фауне Байкала и вредоносном влиянии на них сточных вод завода по производству целлюлозы.

Следующая Школа была в Новосибирске. Она была интересна тем, что на нее приехали два эколога-англичанина, преподающих экологию в высших учебных заведениях. Не только участники Школы, но и мы сами, познакомились с деловыми играми по экологии. Это оказалось очень интересно и полезно. И Рем тут же придумал две новых деловых игры по экологии, которые использовались на следующей Школе.

Кроме того, организацией «Социальная экология» выпускались книги по экологии. Но это были не учебники, а скорее рассказы по экологии. По окончании Школы все участники получали эти книги.

А. А. Титлянова и Р. Г. Хлебопрос среди учителей биологии из городов и деревень Новосибирской области, 1998

В том же году было решено организовать под руководством Рема Григорьевича годовичную Школу, теперь только для сельских учителей. Имеющиеся деньги позволяли нам оплачивать транспортные расходы и пребывание педагогов на подобных Школах.

Для поступления в Школу состоялся конкурс. Учителя должны были написать сочинение на выбранную ими экологическую тему. Было получено около 200 заявок. Отобрано – 100. Для этой Школы писались специальные учебные пособия (4 шт.) на различные экологические темы. Там был текст, задание и экологические задачи, большинство которых придумал Рем. Учителя собирались три раза. На установочной сессии читались разнообразные лекции по экологии и передавались учебные пособия, с которыми учителя должны были работать дома. В зимние каникулы проводилась экзаменационная сессия, а весной – защита проектов учителями. Проект мог быть на любую экологическую тему, выбранную самим учащимся. Рекомендовалось оценить экологическую обстановку того района, в котором проживал каждый участник. У Школы было два директора (один английский,

другой – русский) и наблюдательный Совет, председателем которого был Рем Григорьевич. Мы работали с англичанами очень дружно. Однако из-за защиты проектов учителями произошел конфликт. «Невозможно заслушать за один день 100 проектов, – заявили англичане. – Давайте поставим 10 лучших и 10 худших. Так у нас обычно делается в Англии». И тут поднялся Рем. Голосом, не допускающим возражений, он сказал: «А у нас в России так не делается! Мы будем слушать всех». И мы прослушали все 100 проектов. Они были очень интересными, это признали и англичане, согласившись, что нужно было слушать все проекты.

В моих воспоминаниях о Реме работа с учителями – главное. Учительницы (их было 99%) подходили к Рему с утра до вечера и задавали ему всевозможные вопросы, на которые он обстоятельно отвечал. В данном тексте мне хочется сказать слова благодарности господину Соросу за то, что в течение трех лет мы могли собирать учителей и обучать их экологии.

Рем Григорьевич обладал неожиданным и мягким чувством юмора. Однажды я должна была предоставить ему статью к определенному времени, но не успела. Другие дела захлестнули меня. Рем позвонил мне и спросил: «Почему ты до сих пор не представила статью?» «Я загнана». «А ты помнишь фильм «Загнанных лошадей пристреливают». Не правда ли?» «Да». «Что же тебя до сих пор никто не пристрелил?» – с неподдельным интересом спросил Рем.

Мы проводили очередную Школу для учителей. В первую половину дня и я, и Рем читали лекции. В это время между несколькими учительницами возникло какое-то недоразумение, перешедшее в ссору. Молодые члены оргкомитета пытались пригасить эту ссору, но безуспешно. Ссора перешла в скандал. После обеда мы с Ремом уладили это недопонимание. Вечером на собрании оргкомитета Рем обратился к молодым участникам: «Вот я все думаю, что вы будете делать, когда мы с ней умрем? Я бы на вашем месте...» – и замолк. Наступила напряженная тишина. «Плакал», – закончил Рем.

Бывают люди, глядя на которых стыдно жаловаться на жизнь. Таким человеком был Рем Григорьевич Хлебопрос.

Людмила
Павловна
Петрова –
музыковед,
вдова Абрама
Ильича Фета,
доктора физико-
математических
наук, соавтора
Р.Г. Хлебопроса.

НЕ ГОВОРИ С ТОСКОЙ: ИХ НЕТ, НО С БЛАГОДАРНОСТИЮ: БЫЛИ¹

Когда я думаю о Реме Григорьевиче Хлебопросе, он почти всегда возникает в моей памяти вместе с Абрамом Ильичом Фетом. Пока были живы оба, я видела его преимущественно в обществе Абрама Ильича, а значит и воспоминания мои будут о них двоих – об их дружбе, об их совместных делах.

Я познакомилась с Ремом Григорьевичем весной 1990 года, в один из его приездов в Новосибирск по поводу публикации редактируемого им сборника «Математическое моделирование в биологии и химии». Познакомились мы заведомо до его прозрения. У меня сохранилось лишь одно, но очень яркое воспоминание от этой встречи, полностью вытеснившее все остальные. Помните, как в повести Короленко «Слепой музыкант» Петрусь пытается «увидеть» лицо Эвелины с помощью пальцев? То же самое произошло в нашем случае. Я испугалась не меньше Эвелины, но тут же вспомнила эту сцену из повести и, собрав все свое мужество, постаралась остаться спокойной. Рем Григорьевич тут

¹ В качестве заголовка использованы две строки из четверостишия В.А. Жуковского «Воспоминание», 16 февраля 1821 г.

же прокомментировал свой «осмотр», выразив сожаление, что я не так молода, как ему показалось на слух. А дальше во всех подробностях рассказал, как он потерял зрение, в каких клиниках лечился, с какими людьми лежал в одной палате и сколько процентов зрения у него осталось. Это было наше первое знакомство.

Позже Рем Григорьевич рассказал мне, что с Абрамом Ильичом он уже виделся раньше, когда тот приезжал в Красноярск к Г.М. Заславскому¹. Тогда их знакомство не получило продолжения, и Абрам Ильич о нем даже не помнил. Заново они познакомились, когда Рем Григорьевич решил издавать сборник и по совету А.Н. Горбаня приехал в Новосибирск к Фету. В это время Абрам Ильич жил один и поселил его у себя. Рем Григорьевич с юмором рассказал мне об их совместном проживании. Хлебопрос любил и умел готовить, и он сразу же предложил свои услуги в качестве повара, но Абрам Ильич решительно отстранил его, сказав, что все будет делать сам. Дальше он покормил его горелой кашей, а на обед повел в кафе «Улыбка», которое находилось рядом и называлось в народе «Ухмылка». «Ухмылка» переполнила чашу терпения в общем-то невзыскательного Рема Григорьевича, после чего он взял хозяйство в свои руки.

Тем временем они непрерывно разговаривали не только о сборнике, но и на самые разные темы, и, по словам Рема Григорьевича, Фет всесторонне «проверял его на вшивость». Но вот пришел Владимир Николаевич Дятлов², который должен был готовить оригинал-макет сборника, и сказал, что материалов слишком много, придется что-то сокращать. Две главы монографии Фета занимали бóльшую часть сборника, но они были и так

¹ Георгий Моисеевич Заславский (1935–2008) – физик-теоретик, профессор, доктор физико-математических наук. Работал в академических институтах Новосибирска, Красноярска, Москвы. В 1991 году эмигрировал в США, где стал профессором физики и математики на физическом факультете Нью-Йоркского университета и в Институте математических наук им. Куранта при этом университете.

² Владимир Николаевич Дятлов – кандидат физико-математических наук, доцент Новосибирского государственного университета, зав. редакцией Сибирского математического журнала.

*Рем Григорьевич Хлебопрос и Людмила Павловна Петрова-Фет.
Новосибирск, 2013*

уже предельно сокращены, и он решительно заявил, что больше сокращать не будет. Тогда Рем Григорьевич предложил: «Давайте ничего не будем сокращать, а просто полностью уберем мое предисловие к сборнику». Та легкость, с которой он отказался от уже готового предисловия, по словам Рема Григорьевича, окончательно покорила сердце Фета, и проверка прекратилась.

Абрам Ильич рассказал мне о знакомстве с Хлебопросом по свежим следам: «Это настоящий ученый. Слышала бы ты, с каким энтузиазмом он рассказывает о вредителях леса! Он говорит: «Я жук-усач», и от его имени начинает рассуждать о преимуществах того или иного поведения усача...» Впоследствии я услышала великое множество рассказов Рема Григорьевича, и могла убедиться, что в своей науке он был в самом деле пламенным энтузиастом. В каждый его приезд я слышала: «Я вам не рассказывал еще о моей новой работе?» И дальше подробно излагал ее основную идею. Он умел рассказывать просто и ясно не только таким слушателям, как Абрам Ильич, но даже таким, как я. Многие его рассказы сохранились у меня в записи на диктофон.

Через год после нашего знакомства Рем Григорьевич поехал в США, где ему сделали операцию. Это произошло как раз в день

его рождения, 21 марта 1991 года. В этот день он поистине заново родился. Настоящее библейское чудо! Теперь он видел настолько, чтобы передвигаться без сопровождающих и читать. Он рассказал мне, что профессор, делавший ему операцию, мог сделать одно из двух – откорректировать зрение либо для дали, либо для близкого расстояния – и спросил его, что ему важнее. Рем Григорьевич попросил его сделать так, чтобы можно было читать. Надо было его видеть, когда спустя 36 лет он снова читал! Если он вгрызался в книгу, можно было ходить рядом, говорить о чем угодно, передвигать близко стоящие предметы... Разве что как следует потрясти его. Тогда он рассеянно смотрел вокруг, явно еще плохо понимая происходящее, и лишь постепенно выходил из мира прочитанного. Такого глубокого погружения в книгу я не видела даже у Абрама Ильича.

Летом 1993 года в Красноярске состоялся экологический конгресс. Рем Григорьевич был его организатором и автором обзорного доклада. Абрам Ильич был приглашен на этот конгресс и вернулся в сильном возбуждении. Доклад Хлебопроса произвел на него впечатление, как смелой правдой, так и самим подходом к экологии. Он говорил о том, что Хлебопрос создал в Красноярске научную экологическую школу, что у него есть талантливые ученики и интересные результаты, что он убеждает Рема Григорьевича обобщить его метод экологических исследований в монографии. А поскольку он за 36 лет отвык сам писать,

Рем Григорьевич Хлебопрос и Абрам Ильич Фет. Новосибирск, конец 90-х

Рем Григорьевич за чтением. Красноярск, 2009

надо ему помочь – не ради него самого, а pour le genre humain (ради рода человеческого).

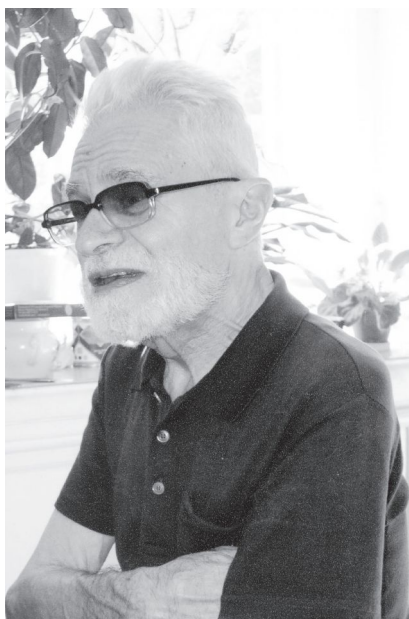
А дальше началось... Рем Григорьевич приезжает в Новосибирск, чтобы обсуждать содержание будущей монографии. Абрам Ильич едет в Красноярск обсуждать различные экологические вопросы. Сэтой же целью приезжает в Новосибирск В.А. Охонин¹, любимый ученик Хлебопроса. Иногда я ездила в Красноярск вместе с Абрамом Ильичом. Иногда Рем Григорьевич приезжал к нам вместе с женой. Мне еще предстоит разобрать то огромное количество материалов, которое скопилось за время написания этой монографии: препринты и журналы, статьи и монографии, как самого Рема Григорьевича, так и его сотрудников, листки с графиками, нарисованными рукой Хлебопроса, письма Охонина, аудиозаписи их разговоров и т. д. Все это Абрам Ильич должен был попутно изучить, чтобы глубоко войти в предмет.

¹ Виктор Александрович Охонин – кандидат физико-математических наук. Жил и работал в Красноярске в Институте биофизики. Ныне живет и работает в Канаде.

Потом на основе совместно выработанного плана он начал писать отдельные главы, которые снова и снова обсуждались.

В 1999 году эта книга вышла в Новосибирске, в издательстве «Сибирский хронограф» под названием «Природа и общество: модели катастроф». Абрам Ильич очень высоко ее ценил и всегда подчеркивал, что в ней нет его идей, что он лишь материализовал идеи Хлебопроста. В свою очередь Рем Григорьевич подчеркивал, что книга эта создана Фетом, и без него ее бы просто не было.

Летом у нас иногда гостил Алексей Всеволодович Гладкий¹, и тогда Рем Григорьевич нарочно приезжал в то же время, чтобы побыть в их обществе. Дружба Абрама Ильича с Гладким началась еще в 60-е годы. Тогда они оба жили в Академгородке и оба работали в Институте математики. В 1972 году Алексей Всеволодович переехал в Калинин, а затем поселился в Москве, но дружба их сохранилась навсегда. Они регулярно приезжали друг к другу, но главное – они постоянно переписывались. Никому другому Абрам Ильич так много и подробно не излагал свои мысли в письменном виде, как Гладкому. В архиве Абрама Ильича сохранилось множество писем от Алексея Всеволодовича, из которых видно, что их занимало и какие вопросы они обсуждали. К сожалению, это письма только в одну сторону. Не знаю, удастся ли добраться до ответных

*Алексей Всеволодович Гладкий.
Новосибирск, 2007*

¹Алексей Всеволодович Гладкий (1928–2018) – доктор физико-математических наук, профессор, специалист в области математической логики и лингвистики.

*Собрание в кухне. А. И. Фет,
Р. Г. Хлебопрос, И. А. Кижнер.
Новосибирск, 2000*

писем Абрама Ильича, но, к счастью, в особо важных случаях он оставлял себе копии, и они сохранились. Кроме того, с появлением электронной почты вся переписка Абрама Ильича оставалась в компьютере. Из нее можно составить ясное представление о его письмах к Gladкому.

После перестройки оба они участвовали в семинарах Московской Хельсинской группы. Одна из главных проблем, которая занимала их в то время – это создание независимой печати для

интеллигенции. В конце 80-х и начале 90-х годов они сделали две попытки создания журналов при участии других людей. Оба раза предприятие успешно начиналось, а потом разваливалось по независящим от них причинам. В 1990 году в Москве был издан единственный номер журнала «Современные проблемы», в редакционную коллегию которого вошли Л.И. Богораз¹, Л.Д. Вуль, А.В. Gladкий, В.Г. Голицын и С.А. Ковалев². Весь номер был составлен из статей и переводов Gladкого и Фета. Второго номера уже не было. В Санкт-Петербурге пытались издавать «Новый педагогический журнал» под редакцией А.В. Gladкого и Е.В. Козловской. Главным редактором был М.В. Рейзин³. В течение

¹ Лариса Иосифовна Богораз – лингвист, правозащитница, публицист. В 1989–1996 гг. – председатель Московской Хельсинской группы.

² Сергей Адамович Ковалев – советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель.

³ Рейзин Михаил Валентинович – возглавлял издательство им. Н.И. Новикова в Санкт-Петербурге.

*Хлебопросы у Фетов. А. И. Фет, Р. Г. Хлебопрос, И. А. Кижнер.
Новосибирск, 2006*

1996 и 1997 года этот журнал вышел четыре раза. В каждом из четырех номеров печатались статьи Гладкого и Фета. Уже при формировании пятого номера оказалось, что главный редактор, финансировавший журнал, начинает оказывать цензурное давление. От участия в этом журнале пришлось отказаться, и он больше не выходил. Абрам Ильич все время говорил о необходимости собственного журнала, который не зависел бы ни от кого другого. Наконец, в 1997 году при финансовой и технической поддержке Ричарда Коннера¹ они вдвоем издали первый номер независимого сборника «Современные проблемы». В предисловии редакторы рассказали о причинах появления этого издания и о предполагаемом содержании сборников. Предисловие это было своеобразной декларацией. Приведу из него важнейшие фрагменты:

«Нынешнее положение в России требует настоящего размышления и обсуждения. Естественно, то и другое должно

¹ Ричард Коннер – психотерапевт американского происхождения. Специалист в области НЛП, Эриксоновского гипноза и семейного консультирования. С 1991 года живет в России.

Рем Григорьевич в кабинете А. И. Фета. Новосибирск, 2008

быть делом нашей интеллигенции. Для этого нужна культурная и независимая печать. Такой печати в России нет. В нынешних газетах и журналах интеллигентному человеку нечего читать.

Независимая печать, по самому своему смыслу, не может быть на содержании чиновников и денежных людей. Нам нужны дельные и бескорыстные издатели, и мы надеемся их найти. Начинать придется с продолжения Самиздата в новых условиях. Мы будем издавать сборник «Современные проблемы», посвященный вопросам общественной жизни и культуры. Сборник будет печатать статьи по истории, философии, психологии, социологии, доступные образованному и мыслящему читателю, но не предполагающие специальных знаний. Особое внимание будет уделяться образованию. ...Важное место должны занять переводы неизвестных или недоступных в России работ. Особое внимание будет обращено на качество переводов, постыдно упавшее в наше время. Мы будем помещать также рефераты важнейших иностранных книг...»

Первый номер был полностью посвящен свободе печати и цензуре. Редакторами обозначены А.В. Гладкий и А.И. Фет. Они

Р. Г. Хлебопрос на симпозиуме. Красноярск, 2012

же были авторами и переводчиками всех статей, подписанных разными именами. Второй номер Абрам Ильич предложил посвятить экологии и напечатать там статьи красноярских экологов. Началась совместная работа над экологическим сборником, при создании которого Рем Григорьевич проявил огромную энергию. Сборник вышел в 2001 году в Красноярске, при финансовой поддержке ООО «Сибзнак». К двум предыдущим редакторам здесь, естественно, прибавился третий – Р.Г. Хлебопрос. Вскоре обнаружилось, что распространение сборников – очень трудоемкий процесс, требующий времени и людей. Тогда Рем Григорьевич предложил издавать его в электронной форме. Гладкий настаивал, чтобы это был не сборник, а библиотека, поскольку журнал или сборник требуют обязательной периодичности издания, а библиотеку можно просто регулярно пополнять. Организационной стороной дела занялся Рем Григорьевич, и в 2003 году начал работать сайт «Современные проблемы. Библиотека». Его учредители – А.В. Гладкий, А.И. Фет и Р.Г. Хлебопрос.

Материалы для сайта стал подбирать Абрам Ильич, техническую поддержку оказывала Елена Евдокимова, интеллигентная и

А. В. Гладкий между заседаниями у Хлебопросов. Красноярск, 2012

замечательно талантливая женщина из Красноярска. Они выложили на сайт не только два уже напечатанных выпуска «Современных проблем», но многие статьи Фета, которые раньше, в условиях тоталитарного режима, невозможно было опубликовать в России. Статьи для раздела «Образование и воспитание» привез А.В. Гладкий (свои собственные и других авторов). Там же разместили многие переводы Абрама Ильича, которые раньше ходили только в Самиздате.

Идея Хлебопроса перейти на электронное издание оказалась весьма плодотворной. Этот сайт работает вот уже 15 лет и до сих пор регулярно пополняется оригинальными изданиями, не содержащимися на других сайтах, хотя, к нашему великому сожалению, уже нет А.И. Фета, нет Р.Г. Хлебопроса, нет А.В. Гладкого, нет Елены Евдокимовой... Между прочим, когда так чудовищно рано, в 39 лет, ушла из жизни эта замечательная женщина – столь же бескорыстная и самоотверженная, как и все учредители этой библиотеки, – Рем Григорьевич предложил

назвать наш сайт ее именем. С тех пор он называется «Современные проблемы. Библиотека им. Елены Евдокимовой». Рему Григорьевичу всегда было свойственно обостренное чувство благодарности.

Вторую половину 1990 года Абрам Ильич провел в США, где всюду говорили о недавно вышедшей книге Хайека «The Fatal Conceit. The Errors of Socialism» (Пагубная самонадеянность. Заблуждения социализма), 1988. Американцы, считавшие себя консерваторами, восхищались как книгой, так и автором, «глубоким экономистом и философом»; и когда в 1991 году вышло очередное издание книги, они прислали ее Абраму Ильичу. Хайек удивил его полным забвением биологической природы человека, о которой сам он размышлял уже более четверти века и даже излагал свои мысли в статьях. Читая книгу Хайека, Абрам Ильич много и горячо говорил о слабости его аргументов. Обсудить все это с профессиональными биологами и экономистами было для него насущной необходимостью. И в этом смысле Рем Григорьевич был незаменим, ведь он давно уже занимался как биологией, так и экономикой. Обсуждать эти вопросы с разных сторон они могли целыми днями. Разговоры их так увлекали, что они не замечали, что происходит вокруг. Не забуду, как однажды во время прогулки стал накрапывать дождь, потом пошел сильнее. Я пытаюсь обратить их внимание на это обстоятельство, а они просто не слышат. В этот момент разговора им почему-то удобней стоять на месте – остановились как раз посреди лужи, что-то обсуждают и ничего вокруг не видят.

Привыкший излагать мысли на бумаге, Абрам Ильич стал записывать свои возражения профессору Хайеку, из чего возникла рукопись целого тома, которую он показал нам летом 1996 года. В это лето у нас как раз гостили Алексей Всеволодович с женой Натальей Ильиничной Черновицкой, а потом Рем Григорьевич с женой Инной Александровной Кижнер.

Пародируя название книги Хайека, Абрам Ильич назвал ее «Заблуждения капитализма или пагубная самонадеянность профессора Хайека». В быту мы называли ее «Красная папка», а потом – «Анти-Хайек». Пока читали рукопись, все время возника-

Р. Г. Хлебопрос у Фетов. Саша под папиным крылом. Новосибирск, 2006

ла досада: зачем Абрам Ильич тратит свои силы на полемику с Хайеком, лучше бы развивал собственные идеи, которые он все время противопоставляет своему оппоненту. Из текста видно, что начав с полемики, автор и сам все больше увлекался изложением собственных идей, все реже вспоминал о Хайеке, а в какой-то момент даже прямо написал: «Но мы обязаны продолжить наш анализ, для которого профессор всего лишь предлог».

В самом конце лета 1996 года Абрам Ильич снова уехал в США. В письме, отправленном мне 25 октября, он между прочим написал: «...я вернулся к моей книге. Пишу набросок главы об экономике «свободного рынка», в чем мне были очень полезны разговоры с Хлебопросом. ...В научном смысле я много ожидаю от моей дружбы с Ремом Григорьевичем». Это была уже не полемика с Хайеком, а выросшая из нее другая книга – «Инстинкт и социальное поведение».

К тому времени Абрам Ильич уже тридцать лет был под влиянием биологических идей К. Лоренца, он много размышлял

над этим и называл себя его последователем. Он уже перевел «Так называемое зло» и «8 смертных грехов цивилизованного человечества» и непрерывно возвращался к его книге «Оборотная сторона зеркала», которую считал самой глубокой. Книга эта далеко не популярна. Абрам Ильич не спешил ее переводить, говоря: «Кто способен понять содержание этой книги, тот наверняка способен прочитать ее в оригинале». Бывая у нас, Рем Григорьевич прочитал переведенные Абрамом Ильичом книги Лоренца, а наиболее важные идеи, изложенные в «Оборотной стороне зеркала», Абрам Ильич пересказывал ему или переводил с листа, и они их обсуждали. После одного из таких обсуждений Абрам Ильич сказал мне: «Теперь я вижу, что книгу эту надо перевести. Вот человек, способный понять ее идейный смысл и не читающий по-немецки. Вероятно, есть и еще такие люди». Книга была переведена. При активном содействии А.В. Гладкого и под его редакцией сборник переводов К. Лоренца вышел в 1998 году (Москва, «Республика»), а потом, после значительной переработки, в 2008 году (Москва, «Культурная революция»).

В своей книге «Инстинкт и социальное поведение» Абрам Ильич выступает как последователь К. Лоренца. Историю человеческой культуры он излагает в ней с точки зрения этологии. Рем Григорьевич с самого начала проявил к ней огромный интерес. Приезжая, он каждый раз читал все, что Абрам Ильич успел написать или переделать, а дальше начинались бесконечные обсуждения и споры. В споре они являли собой полную противоположность. Рем Григорьевич возбуждался и кипел. Абрам Ильич был почтителен и внешне спокоен, но твердо стоял на своем. Помню, как однажды Рем Григорьевич особенно возбужденно настаивал, чтобы Абрам Ильич включил в книгу какой-то его любимый сюжет: «Я вам уже в четвертый раз говорю, что здесь надо обязательно об этом написать!..» Абрам Ильич спокойно отвечал: «Рем Григорьевич, этот сюжет может органично войти в вашу книгу. Но ведь это моя книга». Несмотря на бурные эмоциональные вспышки, Рем Григорьевич горячо любил своего друга,

и их дружбу никогда не омрачали не только ссоры, но даже размолвки. Уже после смерти Абрама Ильича, когда Рем Григорьевич гостил у меня и заново читал «Инстинкт», он вдруг сказал: «Хорошо написана. Помните, как я кричал и кипятился, настаивая на своем? Это не потому, что там что-то было плохо, а потому что я люблю эту книгу, и мне всегда хотелось, чтобы она была совсем без недостатков». Да, я это помню и очень хорошо понимаю. Рем Григорьевич был в высшей степени бескорыстный, искренний и благородный человек.

Хлебопрос часто приезжал в Новосибирск по делам своего научного Центра и всегда жил у нас. Надо отдать должное его жене, Инне Александровне – она тоже всегда была легка на подъем, поэтому часто они приезжали вдвоем, а когда появился маленький Саша – все вместе.

У Абрама Ильича никаких дел в Красноярске не было, и меня всегда поражала неистощимая изобретательность Рема Григорьевича, способного придумывать самые разные поводы для нашего приезда: оппонировать диссертацию, вместе встретить Новый год... Однажды он задумал цикл лекций Абрама Ильича по истории кибернетики. В другой раз – после нашей продолжительной поездки по городам и музеям Италии – предложил прочитать цикл лекций по культуре и искусству итальянского Возрождения. Все лекции проходили в здании университета, но кроме студентов и преподавателей на них собиралась публика со всех концов Красноярска. К Рему Григорьевичу всегда тянулись люди, и все его замыслы неизменно осуществлялись, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Кажется, именно тогда Абрам Ильич познакомился с журналистом Валерием Вениаминовичем Кузнецовым, с которым у него завязалась переписка. Впоследствии, когда уже не было Абрама Ильича, с ним продолжала переписываться я, и он предоставил целый цикл уникальных публикаций по краеведению для нашего сайта «Современные проблемы».

Огромную энергию проявил Рем Григорьевич, чтобы издать книгу «Катастрофы в природе и обществе» по-английски. В ан-

*Р. Г. Хлебопрос и И. А. Кижнер у себя дома. Леночка под папиным крылом.
Красноярск, 2012*

глийскую версию ему хотелось вставить несколько новых статей, написанных им с разными соавторами. Абрам Ильич не возражал, хотя эта идея ему не нравилась. Не знаю, говорил ли он об этом Рему Григорьевичу, но мне сказал, что вставленные разделы разбивают тщательно выдержанную последовательность глав и превращают единую книгу в сборник. От участия в работе над этой версией он устранился. Книга вышла в издательстве World Scientific в 2007 году под названием *Catastrophes in Nature and Society: Mathematical Modeling of Complex Systems* («Катастрофы в природе и обществе: математическое моделирование сложных систем»). Книгу открывает надпись: «Посвящается профессору Гарвардского университета *Кеннету Р. Кеньону*, совершившему чудо. *Рем Г. Хлебопрос*». Это тот самый профессор, который сделал ему операцию и совершил чудо прозрения. Рем Григорьевич никогда не забывал сделанного ему добра и умел быть благодар-

ным. Книга пришла, когда Абрам Ильич был уже тяжело болен. Он был рад ее выходу. Впоследствии я сказала Рему Григорьевичу, что Абраму Ильичу не понравилось превращение книги в сборник, и он ответил: «У меня есть намерение издать ее по-английски в первоначальном виде».

От природы оба они были очень здоровыми и энергичными людьми. И хотя Рем Григорьевич в результате несчастного случая потерял зрение, а Абрам Ильич родился с пороком сердца, это никак не сказывалось на их образе жизни. Никогда никаких разговоров о болезнях, свойственных пожилым и старым людям, у них не было. Оба были здоровыми по определению, поэтому первые признаки болезни, на которые Абрам Ильич обратил внимание, оказались уже неизлечимой стадией. Как гром среди ясного неба!

Рем Григорьевич проявил неслыханную энергию: консультации со специалистами, сведения о клиниках и методиках от Израиля до Японии и США, встречи с диагностами и хирургами, бесконечные приезды после вынужденной операции... И так целый год. Последнюю неделю жизни Абрама Ильича они с Инной Александровной провели у нас. Здесь же был А.В. Гладкий. До последнего дня велись разговоры. Абрам Ильич был не просто в сознании, а подсказывал даты и решающие детали исторических событий, которых не могли вспомнить другие. 30 июля 2007 года его не стало.

Первого августа я уехала вместе с Хлебопросами в Красноярск, взяв с собой экземпляр «Инстинкта». Предстояло второе издание этой книги, и нужно было сделать необходимые исправления, указатели и т. д. Это была как раз та работа, погрузившись в которую я надеялась как-нибудь выжить. Рем Григорьевич был рядом и, как я теперь понимаю, проявлял по отношению ко мне чудеса дипломатии и терпения. А вытерпеть меня тогда было нелегко. Для всех привычно мирная, в ту пору я стала ироничной и даже язвительной и набрасывалась на людей без всякой причины. Самым близким доставалось больше всех.

Погружение в работу оказалось весьма действенным средством выживания. Настоятельно рекомендую всем попавшим в такую ситуацию. Втроем, совместно с Хлебопросом и Гладким, мы написали статью об А.И. Фете для сайта «Современные проблемы. Библиотека» и предисловие для второго издания «Инстинкта». Я стала разбирать рукописи Абрама Ильича, набирать статьи и составлять книги для издания. Рем Григорьевич, очевидно, все время беспокоился за меня и приезжал по-прежнему часто, с поводом и без повода. С огромным интересом он набрасывался на каждую новую распечатку статей и книг Абрама Ильича, а дальше мы до бесконечности их обсуждали.

Летом 2008 года приехали Хлебопрос и Гладкий. Все было, как всегда, и только каждый чувствовал, как остро недостает Абрама Ильича. Всех нас больше всего занимало его наследие. Вместе с Алексеем Всеволодовичем мы подготовили к изданию составленные мной книги «Пифагор и обезьяна» и «Заблуждения капитализма», он написал к ним предисловия, а потом свои воспоминания «Абрам Ильич Фет в моей жизни». А в сентябре 2008 в Новосибирске была устроена международная Школа-конференция по поведению человека и животных. Рем Григорьевич, рассчитывая заинтересовать этологов книгой Фета «Инстинкт и социальное поведение», предложил сделать о ней доклад. Доклад приняли. Он сидел на конференции целыми днями и слушал всех выступающих. Меня это удивило, но он сказал, что для него это возможность быть в курсе последних событий. В назначенный день мы принесли с собой какое-то количество книг, чтобы публика могла их увидеть. Аудитория была полупустой. Оказалось, что выступление Рема Григорьевича поставили в точности на то время, когда для зарубежных участников была запланирована экскурсия, и их увезли. Вместе с ними уехали и все организаторы. Случайно? Не знаю.

Доклад был принят на ура. Книгу захотели приобрести почти все присутствовавшие. В числе слушателей оказалась журналистка, которая после выступления Рема Григорьевича долго беседовала с ним, а 19 сентября в газете «Новая Сибирь» появилась статья Екатерины Василенко «Последний энциклопедист»,

рассказывающая о докладе Рема Григорьевича и о личности А.И. Фета. Хлебопрос умел заразить окружающих своим энтузиазмом. Я несколько раз слышала его доклады об этой книге. Рассказывал он каждый раз по-разному, но всегда с подъемом и вдохновенно.

К зиме 2008 года новосибирским ИД «Сова» было напечатано три книги: второе издание «Инстинкта», «Пифагор и обезьяна» и «Катастрофы в природе и обществе». Так авторы назвали второе издание книги «Природа и общество: модели катастроф». Оно показалось им более точным. Название совпадает с англоязычной книгой, но по содержанию второе издание точно воспроизводит первое, в нем нет никаких вставок. Изменилось только издательство, и авторов стало три. Добавился В.А. Охонин, который с самого начала был фактическим соавтором, но при первой публикации отказался поставить свою фамилию в силу каких-то расхождений «философского» характера, а при повторном издании, как и в английской версии, согласился.

К весне была напечатана книга «Заблуждения капитализма», но мы ее так и не получили, поскольку в результате каких-то конфликтов между ИД «Сова» и арендодателями все имущество издательства было опечатано, а затем вывезено на свалку (?!), в том числе тиражи всех книг – не только наших. Началась бесконечная судебная тяжба, в которую были втянуты и мы с Хлебопросом. С каждого судебного заседания мы выходили с какой-нибудь старейшей поговоркой: «Против лома нет приема», «Плетью обуха не перешибешь», «Рука руку моет», «Кто платит, тот и музыку заказывает» и т. д. Итог таков, что ИД «Сова» похоронен на какой-то свалке, и все надо начинать сначала.

Начинать сначала нам не привыкать! Знакомство Рема Григорьевича и Абрама Ильича началось с издания сборника 1992 г., где были опубликованы две главы из книги Фета «Группа симметрии химических элементов». Не от хорошей жизни он публиковал их в сборнике – у этой книги тоже драматичная судьба. Она явилась итогом многолетней работы над описанием системы элементов с точки зрения современной квантовой классифика-

ции частиц. Работа в этом направлении была начата еще в 1970 году по инициативе Ю.Б. Румера, который был одним из основоположников квантовой химии и соавтором Абрама Ильича по двум другим монографиям. Книга была принята к публикации Сибирским отделением издательства «Наука». К весне 1984 года работа над ней настолько продвинулась, что текст был уже набран, и даже утверждена обложка, что всегда делается в последнюю очередь. А затем по приказанию кого-то свыше книгу сняли с издания, набор рассыпали, а когда наступил срок переиздания Абрама Ильича по конкурсу, его уволили, сославшись на недостаточное количество публикаций. Новому поколению, вероятно, трудно понять, что опубликовать книгу в тех условиях можно было только с соизволения начальства. Никаких альтернатив издания не было.

Опубликовав в 1992 году главы, содержащие основные результаты этой книги, Рем Григорьевич стал чем-то вроде ее крестного отца и не мог успокоиться, пока не издал полностью. В то время, как мы с Алексеем Всеволодовичем занимались философскими трудами Фета, он, собрав вокруг себя добровольцев и энтузиастов, изыскивал средства и готовил книгу к изданию. За четверть века изменились требования издательств. Теперь нужно было подавать не рукопись, а готовый электронный текст, со всеми формулами и таблицами. Этим и занимались добровольцы. В 2010 году она вышла в том самом новосибирском отделении издательства «Наука», откуда была изъята 26 лет назад. Времена изменились. Теперь в России можно напечатать готовую книгу за деньги. Рем Григорьевич сказал мне, что издать ее именно здесь для него было делом принципа.

А дальше он приложил все усилия, чтобы донести книгу до специалистов, заинтересованных в этом предмете. Результат не замедлил сказаться: ее заметили, оценили и рекомендовали издательству *Walter de Gruyter*, где она была опубликована по-английски под названием *Group Theory of Chemical Elements (2016)*. Хлебопроса можно считать подлинным крестным отцом этой монографии, без него она бы навсегда осталась рукописью в ящике стола.

Это его самое прямое вмешательство в издание трудов Абрама Ильича. Верно, что я своими руками сделала и собрание сочинений А.И. Фета в семи томах, и собрание его переводов. Но что в наших условиях я смогла бы сделать без Рема Григорьевича? Ведь это он познакомил меня со столь же бескорыстным энтузиастом, как он сам, который научил меня верстке и всем другим премудростям работы в LaTeX-е, и к тому же оказался потрясающе интересным человеком.

Раз в два года Рем Григорьевич устраивал в Красноярске все-российский симпозиум с международным участием «Сложные системы в экстремальных условиях». Каждый раз он зазывал меня приехать, но я отговаривалась тем, что все это далекая от меня сфера, что я там ничего не пойму... В 2012 году был очередной XVI симпозиум, и на этот раз он сказал: «Время идет. Может случиться, что вы никогда не побываете ни на одном из них. Ведь я не вечен». Эти слова поразили меня.

Симпозиум проходил с 22 по 25 мая, и я приехала заранее. К самому началу должен был приехать А.В. Гладкий. Поскольку я жила в семье Хлебопросов и каждое утро уходила вместе с Ремом Григорьевичем в его научный центр, я имела возможность наблюдать его в процессе подготовки и во время работы симпозиума. Вокруг него вращались все события, и он был в курсе всех дел. Он готов был каждому персонально оказать гостеприимство, каждого обустроить, с каждым поговорить на профессиональные и посторонние темы. Надо встретить Гладкого – он поедет за ним в аэропорт. «Так ведь без Вас здесь невозможно сделать то, другое и третье...» Только мои заверения, что я сама съезжу в аэропорт за Алексеем Всеволодовичем, могли изменить его намерения. Я очень рада, что побывала на этом симпозиуме – не ради обогащения специальными знаниями, а ради лучшего понимания личности Рема Григорьевича и характера его взаимодействий с людьми. К тому же мне удалось сделать ряд снимков, которые теперь кажутся особенно дорогими.

Рем Григорьевич мне многократно признавался, что приезжает в Новосибирск, чтобы отдохнуть. Охотно верю. Понаблюдав

его режим работы в Красноярске, могу сказать, что такое способны выдержать очень немногие. Но и его так называемый «отдых» оказался бы далеко не всем под силу. За день-два до того, как он должен был у нас появиться, телефон начинал звонить. Все хотели знать, не приехал ли Хлебопрос, и если нет, то когда приедет. Когда он, наконец, появлялся, к телефону уже можно было не подходить, поскольку звонили только ему, и он, зная это, сам отвечал на все звонки. Даже если какой-нибудь шальной звонок был, например, с моей работы, он не просто отвечал, а вступал в диалог и начинал руководить процессом.

Это был ярко выраженный лидер отеческого типа. Все вокруг автоматически попадали под его отеческую заботу: дети, ученики, сотрудники, друзья и даже случайные встречные. Не забуду, как мы вчетвером шли по нашей улице Жемчужной, оживленно разговаривая. Нас остановил пожилой человек, который хотел узнать, как ему лучше пройти, не помню куда. Из всей нашей компании, где были еще Гладкий и Фет, он выбрал Хлебопроса и обратился прямо к нему. Тот хуже всех знал эти места, да и видел вдаль совсем плохо, но тут же развил такую бурную деятельность, что прохожий, поблагодарив, удовлетворенно сказал: «Сразу видно, что вы среди них главный». Это и в самом деле сразу было видно.

Когда рядом с ним были его дети, они каким-то образом всегда оказывались под его крылом. По-видимому, им там было надежно и уютно. Даже если он был занят или разговаривал с кем-то другим, он тихонько поглаживал их, а они терпеливо ждали. Освободившись, он тут же выслушивал их вопросы, идеи, фантазии и включался с ними в разговор. Ему никогда не приходилось притворяться, что он выслушивает их с интересом. Ему в самом деле было интересно с ними разговаривать!

Если его ученики, сотрудники или друзья отправлялись куда бы то ни было в путь, они могли не сомневаться, что Рем Григорьевич везде найдет для них приют, будь то Москва или Красноярск, Новосибирск или Киев. А сколько он ездил вместе со своими учениками на защиты! Как близко к сердцу он принимал их успехи и неудачи!

Думаю, что из этого отеческого типа личности во многом происходит его привычка быть со всеми на «ты», хотя сам он объяснял это своим еврейским происхождением. Он объяснил мне, что у евреев просто нет формы «вы», и что с Фетом он на «вы», потому что с ним нельзя иначе, а со мной – потому что так сложилось с самого начала: не мог же он с Фетом быть на «вы», а с его женой на «ты». Тем же еврейским происхождением он объяснил мне свою привычку решительного «Нет!» Помнится, я была в полном недоумении, когда он раз за разом произносил «Нет!», а затем повторял в точности то же, что говорила я. Я начала кипятиться и требовать объяснений. Тогда он спокойно объяснил: «Когда русские с чем-то согласны, они говорят «да», а евреи в этом случае говорят «нет», такая у них традиция». Ни у кого из моих знакомых, в том числе евреев, я не замечала этой традиции. Тем не менее, эта привычка Рема Григорьевича мне стала понятна, и я ее приняла.

Очень много о жизни Хлебопроса и об его окружении я узнала, когда мы с ним решили написать его воспоминания об Абраме Ильиче. Приезжая в Новосибирск, он рассказывал мне разные истории, а я их записывала на диктофон. Было сделано множество аудиозаписей, но каждый раз оказывалось, что начав говорить об Абраме Ильиче, он очень быстро переходит к рассказу о чем-то другом. Вероятно, рассказывать мне о том, что я и так знаю, было для него противоестественно, и он интуитивно переходил к другому сюжету. Воспоминания об Абраме Ильиче так и не состоялись, зато я узнала много о самом Реме Григорьевиче: о его детстве и предках; о начале войны и эвакуации; о том, как он одиннадцатилетним мальчиком отстал от поезда и попал в детдом, как сбежал оттуда и стал сыном полка; о том, как его направили учиться в Суворовское училище, а он по дороге поменял направление, решив стать ученым, а не офицером; о его учебе в Киеве; о работе в Нижнем Тагиле и взорвавшейся во время опыта колбе, в результате чего он лишился зрения, а также о множестве других событий его жизни, напоминающей приключенческий роман...

Эти записи сохранились и ждут расшифровки. Но есть два важных вопроса, которые мне задают особенно часто, на них я считаю нужным ответить.

Какого же он все-таки года рождения – 1930 или 1931? Тысяча девятьсот тридцатого! Но в паспорте, а значит и в Википедии, написано – 1931. Когда началась война, и в Киеве появились немецкие танки, все кинулись бежать, и в спешке многие не взяли документы. Выдавая новое свидетельство в Каттакургане (Узбекистан), где семья оказалась во время эвакуации, делопроизводитель должен был написать год рождения, определив возраст на глаз. Свидетельства матери не принимались в расчет, у нее могли быть свои мотивы. Писарь посчитал, что тридцать первый год подходит больше, чем тридцатый. Так и написал. В похожей ситуации оказалась моя мама. Ей не только убавили возраст, но даже поменяли день и месяц рождения.

Так все-таки, он Рэм или Рем? В Википедии читаем: «При рождении получил имя Рэм по начальным буквам слов «револю-

Рем Григорьевич Хлебопрос на берегу Енисея. Красноярск, 2012

ция», «электрификация», «мир». В большинстве научных монографий указано имя «Рэм», однако в литературе о нем и на ряде ресурсов нередко используется имя «Рем». Когда Рема Григорьевича спрашивали про расшифровку этого имени и про его правильное написание, он отвечал, что родители, выбирая имя, вряд ли думали про «электрификацию». Просто оно тогда вошло в моду. Но если даже думали, то по-украински, а по-украински это слово пишется через «е». Сам он всегда писал «Рем». Разночтение было, но другое, и оно тоже было результатом вмешательства делопроизводителя. Когда выдавали паспорт, полуграмотная паспортистка случайно написала не «Рем», и даже не «Рэм», а «Рема». Что значит имя человека и его судьба по сравнению с испорченным бланком! С тех пор он стал «Ремой». Когда мы покупали для него билет на поезд, он всегда напоминал, что надо написать «Рема», чтобы имя в билете соответствовало имени в паспорте. В его паспорт мало кто заглядывал, а на слух подходило как «Рем», так и «Рэм». Написать «Рема» даже в Википедии не решились, поскольку это случайное имя явно звучит как женское. А как его напишет каждый из нас с вами, видимо, нам и решать...

Главным событием моей жизни я считаю встречу с Абрамом Ильичом. Рем Григорьевич стал его другом и одновременно моим. Мне довелось быть свидетелем их дружбы и, смею надеяться, самой быть их другом. Мне довелось близко узнать этого необыкновенного человека, страстно любившего жизнь во всех ее проявлениях и умевшего радоваться жизни, несмотря на жестокие удары судьбы. Я счастлива, что узнала человека, который самозабвенно и бескорыстно любил свою науку, никогда не используя ее для собственной карьеры; человека, которому так мало надо было лично для себя, но который воодушевлялся при каждой возможности что-нибудь сделать для других и умел быть абсолютно надежным и верным другом. Я благодарна судьбе за встречу и многолетнюю дружбу с этим поистине замечательным человеком.

ОН ВИДЕЛ ВСЕГДА

Лилия
Иосифовна
Галкина –
режиссер
телевидения.

Сегодня я еду в Академгородок к моей подруге Людмиле¹, где мне предстоит знакомство с Ремом Григорьевичем Хлебобросом. Интересное имя. Говорят, он большой ученый, и при этом очень долго был слепым.

Из кабинета вышел седой молодой человек.

– Рем Григорьевич, познакомьтесь, эта очаровательная женщина – моя подруга.

– Очаровательных женщин я видел даже тогда, когда был слепым, – ответил он поразительно молодым, звонким голосом.

В процессе разговора стало понятно, что возможны любые темы. Редкое ощущение бесконечно интересного мира. Нет возраста, нет утомленности от жизни, нет суеты, так привычной нам всем. Кухня становится просторней, мы моложе и веселей. Фантом интереса ко всему на свете вселяется в наши души. Просто счастье – встретить в своей жизни такого человека, поговорить, почувствовать радость общения.

Это была первая встреча. Потом были еще. Особенно запомнилась одна, когда мне пришлось обратиться к Рему Григорьевичу, что называется, по несчастью. Несчастье случилось у моих знакомых – внезапно ослеп мальчик-подросток. Для него и его родных это была настоящая катастрофа.

¹ Людмила Павловна Петрова-Фет – музыковед.

фа. Требовалась психологическая помощь. Мне сразу пришло в голову познакомить его с Ремом Григорьевичем, который мог поделиться с ним своим сложным жизненным опытом. Они долго беседовали, после чего мальчик вышел окрыленным – вот каким может быть совершенно слепой человек!

В конце концов оказалось, что слепота у мальчика – возрастное явление. Глаза не успевали за быстро растущим организмом. Прошел период интенсивного роста, зрение восстановилось. С тех пор прошло уже много лет, но до сих пор и сам мальчик (теперь уже взрослый мужчина), и его родственники благодарны Рему Григорьевичу за разговор, вселивший в него надежду. Они даже думают, что именно этот разговор повлиял на его исцеление.

Без этих встреч моя жизнь была бы беднее. Судьбе спасибо!

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

Рем Григорьевич Хлебопрос был интеллигентом в «экстремальном» проявлении: спокойным и доброжелательным, умным и остроумным, эрудированным и информированным, прекрасным рассказчиком, умеющим слушать других, крупным ученым и успешным организатором научных исследований.

Я познакомился с ним случайно.

В моей жизни было много (осталось не очень) друзей. Со школьными товарищами из двух ленинградских школ, в которых я учился, связь давно потерял. С двумя-тремя сокурсниками по Ленинградскому госуниверситету отношения сохранились. Ребята и девочки, с которыми я учился в Новосибирском госуниверситете (это было почти полвека назад) до сих пор мои друзья. Потом я работал и работаю в Институте экономики СО РАН, и за свою жизнь в Академгородке перенес несколько «волн» друзей. Рем – мое приобретение в последнюю «волну».

У Рема Григорьевича было несколько близких знакомых из нашего Института. В частности, Наталья Владимировна Баранова¹ и Юрий Шабсович Блам². Это были

Виктор Иванович Суслов – российский экономист, член-корреспондент РАН, профессор кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского университета, заместитель директора по науке и заведующий Лабораторией моделирования и анализа экономических процессов Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

¹ Наталья Владимировна Баранова – сотрудница ИЭОПП СО РАН, вела многие программы международного сотрудничества, в том числе с фондом Сороса.

² Юрий Шабсович Блам – кандидат экономических наук, заведующий одним из отделов ИЭОПП СО РАН.

*Виктор Иванович Суслов и Рем Григорьевич Хлебопрос
на Ангаре, возле Листвянки, 2011*

(и остаются до сих пор) и мои хорошие товарищи, и как-то лет 15 назад за «рюмкой чая» у Юры я познакомился с Ремом. Взаимного неприятия не произошло. Потом мы оказались один на один в купе ночного поезда из Новосибирска в Красноярск. Была бутылочка и долгий разговор о жизни вообще и науке в том числе. С тех пор мои поездки в Красноярск (а они достаточно частые) и Красноярский край были под «патронажем» Хлебопроса, а его приезды в Новосибирск немного «курировал» я.

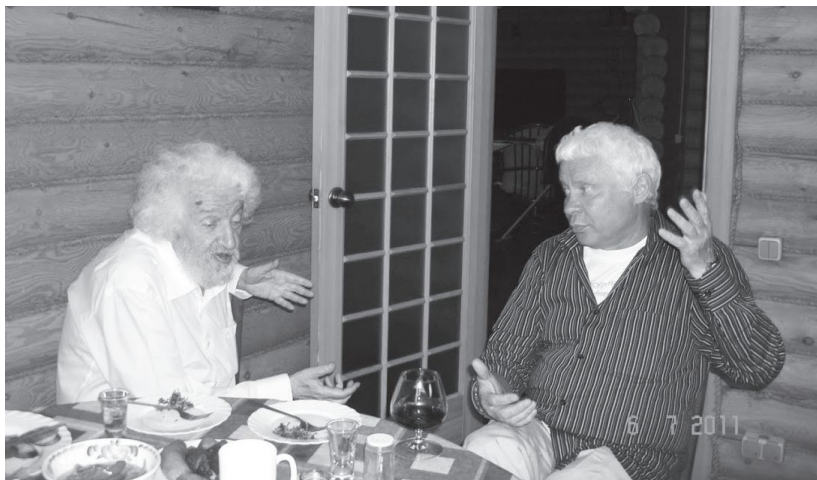
Обычно я останавливался (и останавливаюсь до сих пор) в гостинице Дома ученых в красноярском Академгородке. Это в нескольких кварталах от дома, где жил Рем и живет его семья: жена Инна, сын Александр и дочь Леночка, юная до неприличия для такого взрослого отца. Я очень любил и люблю гулять по крутому берегу Енисея в Академгородке, что часто мы делали вместе с Ремом и его близкими, а иногда и с моей супругой, Ольгой Алексеевной.

Наталья Владимировна Баранова и Юрий Шабсович Блам за «рюмкой чая» поздравляют Р. Г. Хлебопроста с 80-летием. В. И. Суслов (за кадром) делает видеозапись поздравления, Новосибирск, 2011

Я не собираюсь как-то анализировать научную деятельность Рема Григорьевич, все-таки я представляю другую область науки (хотя наши научные интересы постоянно сближались, о чем чуть ниже), но его замечательные научно-организаторские способности не отметить невозможно. Он провел восемнадцать всероссийских симпозиумов с международным участием «Сложные системы в экстремальных условиях» (с регулярностью – через год).

Благодаря его чрезвычайной коммуникабельности и огромным научным и дружеским связям по всему миру, состав участников этих симпозиумов был исключительно разнообразным. Это были, конечно, экологи, но очень разных специализаций. Обсуждались проблемы глобального изменения климата, создания замкнутых систем жизнеобеспечения, необходимых для выхода в космос, динамики озонового слоя земной атмосферы, «экономики» леса и других биологических экосистем. Эти симпозиумы были отнюдь не скучными. К тому же проводились они в замечательных местах, и «культурные» программы, организованные

Р. Г. Хлебопрос и В. И. Сулов за разговором, Красноярск, 2011

Ремом, были незабываемыми. Обычно мы посещали эти мероприятия с моей супругой, и некоторыми воспоминаниями я просто не могу не поделиться. Ведь все это случилось в нашей жизни благодаря Рему Григорьевичу.

Я стал участвовать в этих симпозиумах, начиная с 12-го (2004 год). Произошло это в замечательном месте в западных Саянах на турбазе под названием «Снежный Барс». Тогда это было несколько коттеджей с номерами для туристов с деревянными пешеходными дорожками, столовой (там был бар – открытый для нас всегда – с дешевой кедровой настойкой), хозяйственными постройками, баней на берегу горного ручья – небольшой речки с именем Сток-Тыш, которая впадала в реку Он, потом Ону, приток реки Абакан, и далее – Енисея. Добирались мы туда поездом из Красноярска до Абакана, потом автомобилем (пару часов, почти до Тувы). Все это разместилось в небольшой долине рядом с горным склоном, с которого стекал ручей, в светлой тайге из огромных кедров с вкраплениями по берегу ручья кустов жимолости – ягоды на них были огромными, как виноград, с полянами, уставленными огромными красными сыроежками, твердыми и исключительно вкусными на следующий день после засолки.

Виктор Иванович с Хлебопросами на берегу Енисея, Красноярск, 2011

Метрах в 100–150 выше по ручью была сделана простейшая плотина из куска листового железа, которая отводила часть стока в трубу. Внизу на ее конце была устроена опять же простейшая электротурбина, обеспечивающая энергией все хозяйство турбазы. Здесь же соорудили еще одну плотинку – получился небольшой бассейн для посетителей бани – из парилки в холодный (очень) рай.

Следующие, по-моему, три конференции проводились в Ергаках. Это тоже западный Саян, но, скорее, сдвинутый к востоку – на берегах правых притоков Енисея (Оя, Буйба). Это природный парк, название которого связывают часто с «торчащими пальцами» – образами местных горных вершин. Мы были на разных туристических базах, но некоторые экскурсии и пешие походы были одинаковыми. Пару раз мы ходили к падающему (висячему) камню. Это такой каменюга размером с загородный дом, который непонятно как держится на краю каменного склона, практически отвесного, почти километровой высоты. Там много озер и наверху, и пониже, с которых начинаются истоки Буйбы.

Рем Григорьевич в гостях у Сусловых, Ольги Алексеевны и Виктора Ивановича, Новосибирск, 2008

С автомобильной трассы на перевале, от всячего камня, от озера Радужное, внизу под ним виден горный хребет, который называют Спящий Саян. Своим очертанием он напоминает огромного лежащего на спине человека. Можно разглядеть голову с носом, глазами и губами, грудь, руки и ноги с вытянутыми ступнями. Местная легенда гласит, что когда люди совсем «оборзуют», всякий камень упадет вниз, Радужное озеро выплеснется из своих берегов, а Спящий Саян встанет и начнет наводить порядок. Мало не покажется никому. Это про экологию.

Мы бывали на экскурсии в Каменный город. Это несколько каменных гряд – нагромождений камней очень разного размера, расположенных по одному из горных гребней. Очень впечатляет.

В 2014 году конференция проходила на базе Красноярского научного центра на озере Шира. Нам удалось искупаться в озере – оно слабосоленое с водным составом, как в утробе матери. Именно удалось, в первый день, позже погода совсем испортилась, и купаться не хотелось. Еще запомнилась экскурсия на Тумский провал. Это в одном из соседних с Шира поселков, где долгое время велись разработки вольфрамовых и медных руд.

Открытие XII симпозиума. Турбаза «Снежный барс», Хакассия, 2004

Активно использовались взрывные работы, что привело к обрушению и образованию «дыры» диаметром 200 метров и глубиной 120 метров. Теперь на разных «тарзанках» в бывших штольнях и туннелях любят развлекаться всякие экстремальщики, что, вообще-то говоря, запрещено. Была еще одна запоминающаяся поездка на Сундуки – череду сто- и выше метровых холмов с усеченными и выветренными вершинами, которые использовались древними жителями Хакассии в каких-то ритуальных целях. Их сравнивают чуть ли не со Стоунхенджем.

Даже если конференция проходила в городе, Рем Григорьевич умудрялся «окружить» ее запоминающейся культурной программой. На последней конференции в 2016 году была организована экскурсия по старейшим селам восточного прикрасярья (по левому берегу Енисея, напротив Железногорска). Церкви и храмы XIX века, пешие прогулки по крутым берегам стариц Енисея, древние городища запоминаются навсегда.

Своими научными интересами мы с Хлебопросом пересекались косвенно. Он – математик-эколог, любящий и умеющий рисовать разные замысловатые графики температуры и др., из ко-

торых следуют нерадостные выводы. Я – экономист-математик, «модельер», разрабатывающий, анализирующий и применяющий большие прикладные модели пространственной экономики, в частности, для построения долгосрочного прогноза и стратегии развития России. Тем не менее в последние годы мы были заняты совместной работой по экологии Красноярска. Меня увлекла проблематика, противоречивость и драматичность истории Красноярской ГЭС, алюминиевого завода, тепловых станций на бурых углях КАТЭКа, атомных реакторов Железногорска. Как решить проблему полыньи, образованной плотиной: и летом, и зимой на 200 км вода в Енисее одинаковой температуры – около четырех градусов; летом купаться нельзя, а зимой испарения незамерзающей воды очень эффективно доставляют в легкие человека всю гадость, выбрасываемую промышленностью и энергетикой Красноярска в атмосферу. Как построить потенциально самую безопасную в мире атомную электростанцию в Железногорске. Как избавить жителей города от отравления продуктами сжигания бурых углей.

Одно из направлений исследований и усилий, продолжаемых и сейчас – низкоуглеродная энергетика, развитие которой стимулируется недавним Парижским соглашением. В ее основе лежат технологии, разработанные и апробированные красноярскими учеными четверть века назад. Рем Григорьевич очень образно объяснял ее суть: курение наоборот, т.е. горящий конец во рту, а курильщик выдыхает. Для этих технологий тепло для населения – побочный продукт. Основными про-

В.И. Суслов и Р.Г. Хлебопрос во время работы XII симпозиума, Хакассия, 2004

Рем Григорьевич Хлебопрос, Хакассия, 2004

дуктами являются термококс и сорбент, во много раз более дорогие, чем исходный бурый уголь. Внутренний российский рынок этих продуктов очень узок, поскольку экологические проблемы очистки водных стоков и атмосферных выбросов у нас все еще не актуальны, а кокс для металлургии поставляется традиционными поставщиками. Но перспективы имеются.

Нельзя не отметить уникальную особенность Рема Григорьевича – его жизнестойкость. В своей жизни он преодолел несколько катастрофических событий, которые для многих других были бы фатальными. Он, будучи «ворошиловским стрелком», еще в молодые годы практически потерял зрение в результате неудачно произведенного опыта на уроке химии, когда работал школьным учителем. Потерял многих родных, в том числе свою совсем молодую дочь. Но сохранил жажду жизни, которой часто не хватает многим из нас.

Я чрезвычайно рад, что на моем жизненном пути встретился такой человек, как Рем Григорьевич Хлебопрос. Дружба с такими людьми (их очень немного) не только расширяет кругозор, круг

Рем Григорьевич Хлебопрос, Красноярск, 2011

интересов, научных устремлений, но и среду твоих товарищей. Новыми для меня товарищами стали замечательные люди, такие как Кашкин Валентин Борисович¹, Суховольский Владислав Григорьевич² и многие другие.

Тепло от общения с Ремом и его близкими останется во мне навсегда.

¹ Кашкин Валентин Борисович – эколог, доктор технических наук, профессор, Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета.

² Суховольский Владислав Григорьевич – эколог, доктор биологических наук, профессор, Институт леса имени В.Н. Сукачева.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ СОСЕДЕ

Анна
Пархоменко

Это было давно... По-моему, конец лета 1999 года. Наши девочки – Маша, Настя и Марина – вернулись с прогулки очень веселые и счастливые, они на улице познакомились с тетей Инной и маленьким мальчиком Сашей, который сидел в коляске. На следующий день они познакомились с Шашиным папой, Ремом Григорьевичем. Каждый день, приходя с прогулки, девочки рассказывали, как они все вместе гуляют, играют с Сашей, они теперь его няньки, как Рем Григорьевич ведет с ними беседы. Он же Ученый!!! Им было очень интересно его слушать.

Но вот пришло время и нам, взрослым, познакомиться с соседями из первого подъезда, с семьей Хлебопросов. Я от науки далека, поэтому даже не представляла себе, насколько непростой человек наш сосед Рем Григорьевич...

Постепенно наши отношения перешли немного на другой уровень. Мы стали вместе отмечать праздники, дни рождения. Рем Григорьевич собственноручно готовил два вида плова. Кстати, у них я в первый раз попробовала плов с черносливом. Это было его фирменное блюдо. А как он солил рыбу! А сало!!! Пальчики оближешь!!! Ну, после застолья обязательно танцы.

Оооо, Хава Нагила! И этому научил меня Рем Григорьевич. Он сказал: «Закрой глаза, расслабься, ни о чем не думай... и делай, что хочешь». Полная свобода!

Рем Григорьевич очень галантный мужчина. Всегда встречал на пороге квартиры, помогал снять верхнюю одежду. Приглашал к столу на чай, а к чаю – все, что есть в печи – на стол мечи! Велись разговоры – беседы на все темы... Чаще всего я сидела, как говорится, с раскрытым ртом. Было так много всего интересного! Это были и истории из его жизни, и разговоры обо всем, что происходит вокруг нас, иногда велись даже научные беседы. Честно сказать, я еще не встречала такого многогранного рассказчика! Тихий, спокойный голос просто завораживал. Слушать его можно было часами.

Рем Григорьевич всегда предлагал свою помощь. Когда девочкам что-то было непонятно в школе, он с удовольствием приглашал их и все доступно объяснял.

Рем Григорьевич был очень хорошим, добрым отцом и дедушкой. Детям разрешал, можно сказать, все. Я ни разу не слышала, чтобы он на кого-то повысил голос.

Двери в квартиру Хлебопросов всегда были открыты, и почти каждый день там гости – студенты. Однажды в автобусе я слышала разговор незнакомых людей, что Рем Григорьевич очень помогает своим студентам, что он дает им всем «зеленый свет», ничего не требуя в ответ, что работать под его началом – одно удовольствие. И так мне стало грудь распирает от гордости, так хотелось сказать, что я Его знаю!!!

Я считаю, что мне очень повезло встретить в своей жизни и подружиться с таким замечательным Человеком с большой буквы! В памяти остались о нем только самые добрые, самые светлые воспоминания.

Июнь 2018 г.

РЕМ ХЛЕБОПРОС ИЛИ МОЯ ДРУЖБА С ВОЛШЕБНИКОМ ИЗ РЕАЛЬНОЙ СКАЗКИ

Виктория
Валерьевна
Кузнецова –
кандидат
биологических
наук.

Рем Григорьевич Хлебопрос. Какими эпитетами можно наградить этого Человека? Именно с большой буквы. Нет, большими буквами – ЧЕЛОВЕКА. Мне вспоминается сказка Юрия Олеши «Три толстяка». Там есть такой герой – доктор Гаспар Арнери. Нет, он не совсем похож на героя моих воспоминаний, но что-то в них общее есть. И это потрясающая любовь к людям, к Земле, к жизни. Тяга к знаниям и самосовершенствованию через знания.

Невероятная широта души отличала Р.Г., там было место каждому человеку: хорошему и плохому. Юмор. Какие у него были веселые и умные глаза! Может быть, именно отношением к жизни с некоторым юмором Р.Г. отличался от доктора из сказки. Все-таки во времена Гаспара Арнери свободно смеяться было опасно. Хотя и во времена Р.Г. излишне смеяться было, пожалуй, еще опасней. Многие ведь поплатились за свой смех.

Итак, я попытаюсь вспомнить все, что в моей жизни было связано с Р.Г.

Нас познакомил мой отец – журналист Валерий Кузнецов – на каком-то вечере-встрече в Доме ученых. Тогда я была студенткой третьего курса нашего родного КГУ (Красноярский государственный университет, а ныне

Сибирский федеральный университет). И мне он показался невероятной древним и пронизательным дедушкой, внимательно смотрящим на собеседника. Потом, уже при других наших встречах и беседах, он не казался мне старым. Он казался мне мощным. Тут можно сказать спасибо его семье, так как именно обеспеченный тыл делает человека более уверенным в жизни. А у Р.Г. был отличный и надежный тыл – жена Инна и дети. Еще, конечно, он был уверен в себе и своих убеждениях благодаря своим родителям, воспитанию и знаниям.

Через год после того, как я окончила университет, Рем Григорьевич предложил мне пойти в аспирантуру к его коллегам – замечательным, неординарным людям, занимающимся экологией насекомых и экономикой. Это доктор биологических наук, профессор Владислав Григорьевич Суховольский, коего Хлебопрос иногда величал «Суховокобылин», и он, думаю, не обижался, и доктор сельскохозяйственных наук Елена Николаевна Пальникова – энтомолог, тогда профессор Сибирского технологического университета. Конечно, им досталась довольно разгильдяйская ученица, но защититься мне все-таки удалось. Позорить своих учителей я была не намерена. Пока училась в аспирантуре, местом моей отчетности и периодической локацией был Институт леса им. В.Н. Сукачева в лаборатории лесной зоологии. В этих же кабинетах (а это было рядышком с дендрохронологами) сидели и мат. экологи – Григорий Борисович Кофман¹, Тамара Михайловна Овчинникова², Ольга Павловна Секретенко³. У них была теплая дружеская атмосфера.

¹ Кофман Григорий Борисович – кандидат физико-математических наук по специальности биофизика. Старший научный сотрудник Красноярского института биофизики СО РАН. Основные научные интересы и результаты связаны с анализом формы биологических объектов, моделированием роста и динамики деревьев и древостоев, обработкой и анализом данных.

² Овчинникова Тамара Михайловна – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН.

³ Секретенко Ольга Павловна – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории мониторинга леса Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН. Научные интересы связаны с применением математических методов, статистического анализа, моделирования в исследованиях по экологии и лесоведению, а также пространственной статистикой в лесных экосистемах.

С чаем, шутками, беседами, пестованиями молодых аспирантов. Сюда регулярно приходили и Елена Николаевна Пальникова и, конечно же, Рем Григорьевич. Обсуждали научные идеи, статьи, поездки.

С подачи Рема Григорьевича и Владислава Григорьевича при нашей лаборатории в Институте леса стали проводить научные семинары, в малом актовом зале, где также обсуждались различные научные вопросы, велись дискуссии. Выслушивали и аспирантов. Как-то и мне довелось там выступить. Рем Григорьевич часто посещал эти семинары и, конечно же, выступал на них. Слушать его было необычайно интересно, т. к. Р.Г. не только знал, о чем рассказывал, но он и жил в этой теме.

Одним из талантливейших и близких его учеников был Владислав Григорьевич Суховольский. Как они познакомились – это отдельная история, и ее лучше расскажет сам Владислав Григорьевич. Однажды они обнаружили много интересных схожестей или «одинаковостей» между собой. Во-первых, у них одинаковые отчества. Во-вторых, они родились в один день, 21 марта, правда, с разницей лет в пятнадцать-семнадцать, и вместе справляли дни рождения. На эти дни рождения могли приходиться без приглашения все, кто хотя бы раз сотрудничал с ними. В-третьих, однажды они независимо друг от друга купили себе одинаковые зимние куртки! А когда обнаружили это, страшно радовались. Поскольку мой отец дружил с Ремом Григорьевичем, то мы иногда ездили к нему в гости, в основном по писательским, журналистским делам. Однажды, помню, мы приехали к нему с отцом в Академгородок, и он, поговорив о работе, стал рассказывать о себе, о своем детстве.

В молодости Р.Г. был спортсмен, до травмы хорошо бегал. Он рассказывал про своего отца Григория Хлебопроса. Его папа был невысокого роста и плечистым. Если они с Ремом садились рядышком, то были одного роста. А когда вставали, то отец был пониже.

Он хорошо помнил, как впервые увидел в окно своего дома немцев и закричал: «Немцы!» И как они потом огородами ухо-

дили от них. Ему тогда было одиннадцать лет. Рассказывал, как он с мамой и сестрой был отправлен в эвакуацию на поезде, как однажды на станции он побежал за кипятком и отстал от поезда. Он долго потом бродил по улицам и дворам, пока не попал в детский дом, откуда впоследствии сбежал. А свою семью нашел только в конце войны.

Один из моих любимейших его рассказов – это рассказ про Александру Коллонтай, советскую революционерку, государственного деятеля и дипломата, а позже преподавательницу Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Отец Рема учился как раз там, и Александра Коллонтай читала им лекции. Студенты ее очень уважали. И Сталин тоже читал лекции в Коммунистическом университете. Александра Коллонтай любила одеться элегантно, а у коммунистов это считалось неприличным. И однажды Сталин в присутствии студентов сказал о ней грубую непристойность. Те возмутились. Трое студентов, среди которых был отец Рема Григорьевича, обратились к Сталину: «Коммунисты требуют, чтобы вы извинились!» По тем временам такое требование было равносильно самоубийству. Но никто из парней тогда не пострадал. Хотя и Сталин не извинился по-человечески. Он зашел в деканат и сказал Коллонтай: «Александра, курс настаивает, чтобы я извинился». Развернулся и вышел.

Редкие посиделки с Ремом Григорьевичем я очень любила. Рем Григорьевич был потрясающий рассказчик. И не менее потрясающий слушатель. Он умел выслушать и помочь в разрешении самых бредовых идей и проблем. Как-то мы с папой задались идеей вечного двигателя. Сначала загорелся папа. А затем я. Конечно, вечный двигатель решил бы многие проблемы человечества, думали мы с отцом. Экономические: его не надо «подкармливать» энергией, он ее сам откуда-то черпает; экологические: ресурсы на работу такого двигателя тратятся минимально и по естественному течению, а поэтому природе наносится минимальный вред и т. д.

Рем Григорьевич внимательно выслушал сначала отца по телефону, а примерно через месяц напряженной работы моих

мозгов и меня. И терпеливо нам объяснил, что наши идеи неосуществимы по определенным причинам, кои он нам и растолковал. Надо сказать, что я, а тем более отец, были весьма далеки от точных наук. Сейчас это, конечно, вспоминать забавно, наши почти детские мечты двух взрослых людей. А тогда мы оба были искренне благодарны за его терпеливость и серьезный подход к нашим идеям.

Как-то Рем Григорьевич накормил нас печеночным паштетом собственного приготовления и раскрыл нам тайный секрет. Он сказал с шуткой: «Я, как истинный еврей, ничего не готовлю без сала». И рассказал рецепт: 1 кг печени (любой), 1 кг сала (соленого), 1 большое зеленое яблоко (Гренни Смит). Печень сварить, перекрутить с салом и яблоком. Так как сало соленое, то соль добавлять аккуратно, чтобы не пересолить. Перец черный. Все перемешать, выложить в чашку. Все, паштет готов.

Интересный факт о красноярском Академгородке, лесном и красивом историческом месте, где бок о бок жили и работали ученые, художники, музыканты. Буквально в соседних друг от друга домах жили два интересных человека со странными украинскими фамилиями: профессор Р.Г. Хлебопрос и художник М.М. Молибог! Ну кто скажет, что это простое совпадение? И, тем не менее, это факт. В 70-90-е годы Михаил Михайлович Молибог был штатным художником в Сибирском отделении АН СССР. Помимо работы в Академии наук писал картины, которые расходились, как горячие пирожки, среди бизнесменов, музыкантов, политиков не только Красноярска, но и всей России. Михаил Молибог был нестандартным художником, выходящим за рамки принятого. Каждая из его картин – это сюжет, рассказ, мысль, действие, в котором можно узнать даже себя в качестве персонажа. Рем Григорьевич был с ним мало знаком, но все же...

Отдельно хотелось бы рассказать об Абраме Ильиче Фете – друге Рема Григорьевича, с которым и я, познакомившись, очень подружилась. Потрясающий человек Абрам Ильич. Невероятно высокой культуры, очень мощный духом. Невероятно умный, одаренный математик. Он знал и переводил с пяти языков. Од-

нажды задал мне вопрос по-английски, чем привел меня в ступор, т. к. для меня труднее всего из-за отсутствия практики был именно разговорный английский.

По поводу его книги «Инстинкт и социальное поведение» у нас была переписка. И отец делал по этой книге заметки. Рем Григорьевич написал к ней предисловие, в котором кратко изложил основные идеи книги и тепло охарактеризовал автора. Даже сейчас, вспоминая Рема Григорьевича и Абрама Ильича, хочется броситься перечитывать эту книгу, чтобы освежить ее в памяти.

С Абрамом Ильичом мы переписывались шесть лет, но виделись лишь однажды. Я поехала в Новосибирск на свадьбу к друзьям и получила задание от Владислава и Рема Григорьевичей отвезти экземпляры какого-то автореферата. Рем Григорьевич настаивал, чтобы я обязательно встретила с Фетом, и я поехала первым делом к нему. Абрам Ильич и его супруга Людмила Павловна очень тепло и по-отечески меня встретили. Абрам Ильич показал мне свою потрясающую библиотеку, в которой захотелось сразу же утонуть или пропасть как минимум на год. Он рассказал, что книги в ней стоят по тематике, чтобы их не потерять. Мы долго разговаривали, он спрашивал меня о моих научных интересах, о моей жизни, рассказывал о своей. Мы говорили о музыке. Фет очень любил классику, Рахманинова, Грига, но не любил джаз. Тут наши с ним мнения немного разошлись. Людмила Павловна нас накормила чем-то божественно вкусным, и Абрам Ильич профессионально прорекламирал мне хлебцы из цельных злаков. Теперь, заходя в магазин, я часто на них смотрю, покупаю, ем и вспоминаю Абрама Ильича.

Абрам Ильич рассказал, как познакомился с моим отцом. Познакомил их, конечно, Хлебопрос. Абрам Ильич не очень-то хотел этого знакомства, потому что терпеть не мог журналистов и милиционеров, а отец был и тем, и другим. Но Рем Григорьевич ему сказал: «Я вас познакомлю с таким журналистом и милиционером, который вам сразу понравится!» И Рем Григорьевич не ошибся. Они подружились. Отец действительно ему очень понравился. Абрам Ильич рассказывал, что был поражен. «Я не

думал, что бывают такие люди среди журналистов и милиционеров, – говорил он. – Ваш отец очень отличается от циничных милиционеров и бестактных журналистов. У него оказался неожиданно светлый взгляд на жизнь». На томе «Инстинкта» он потом написал: «Валерию Вениаминовичу Кузнецову с глубоким уважением. 10.01.2006. А.И. Фет».

Больше мне не довелось встретиться с Фетом, но мы переписывались. Наша теплая дружба сохранилась, и я буду помнить его всю жизнь. В 2005 году он приезжал в Красноярск читать лекции и очень хотел меня увидеть, но я в это время лежала в роддоме, и повидаться нам не довелось.

Я благодарна Рему Григорьевичу за знакомство с Абрамом Ильичом и со многими другими людьми, круто изменившими мою жизнь.

Надежда
Степановна
Кудряшева –
доктор
биологических
наук, профессор
кафедры физической
и неорганической
химии Сибирского
федерального
университета.

О РЕМЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ХЛЕБОПРОСЕ

У меня никогда не получится печалиться о Реме Григорьевиче. Несмотря на то, что его нет, остается ощущение какой-то радости, когда о нем думаешь.

Его выступления на семинарах, на ученых советах всегда были оригинальными, он мог всегда сказать что-то необычное, и все ждали этого.

Он как-то сказал, что после смерти дочери ему уже ничего не страшно, и, вероятно, поэтому он не боялся делать и говорить то, что могло быть воспринято неоднозначно в нашем окружении. У него была репутация неформального, но при этом влиятельного и масштабного лидера. Наверное, поэтому вокруг него всегда было много молодых людей. Я горжусь тем, что последние два года мне посчастливилось с ним поработать и пообщаться поближе.

Женщины всегда обсуждали Рема Григорьевича между собой и делали это с большим удовольствием. У него были серьезные проблемы со зрением, но все удивлялись, что он мог увидеть на доске какие-то важные для него детали, написанные мелкими буквами. При этом поговаривали, что он специально преувеличивает свою проблему, т.к. она дает ему возможность привлечь какую-нибудь симпатичную девушку (женщину), попросить проводить его и пообщаться. Он как-то сказал, что любит 30% всех женщин, и я горжусь тем, что входила в эти тридцать процентов.

В БОРЬБЕ СО МГЛОЙ

Хотя мы знакомы с Ремом Григорьевичем Хлебопросом только с 2000 года, сразу перешли на «ты» ввиду близости возраста, поэтому далее буду называть его просто Ремом. Если кратко охарактеризовать его жизненный путь, то само собой напрашивается – «борьба со мглой».

Рем 36 лет прожил в полной темноте после трагического случая в лаборатории на Урале. Мгла частично отступила в начале 90-х после операции в США, где глазной хирург сотворил чудо – частично восстановил зрение. Однако 30-летняя темнота не сумела погасить творческую натуру Рема, и он не только продолжил научные исследования, но и заслуженно получил признание научного сообщества – защитил кандидатскую и докторскую диссертации. При этом, судя по отзывам его коллег, важные научные достижения были получены именно в «темный период».

Творческий и жизненный подвиг Рема у меня ассоциируется с Бетховеном, который свою «вершину» – 9-ю симфонию – создал в абсолютной тишине, будучи глухим. Правда не знаю, ценил ли Рем Бетховена, но это не важно. Своей способностью отражать удары судьбы – и даже внешне, шевелюрой – он напоминал Бетховена.

В зрячий период, начиная с 90-х годов, талант Рема проявился во всем многообразии. Его увлекало все, от проблем борьбы

Виктор Газизович Сибгатулин – заслуженный геолог РФ, директор Экологического центра рационального освоения природных ресурсов, г. Красноярск.

с раком до прогноза землетрясений, от борьбы с вредоносными клещами до экономики природопользования. В мою бытность директором Красноярского НИИ геологии и минерального сырья (КНИИГ и МС) Рем провел там цикл лекций по экологии и экономике природопользования, что позволило институту выполнить и опубликовать ряд практически важных для края исследований.

Рем заинтересовался возможностью прогноза землетрясений и поддержал в идейном плане разработки красноярской группы (В.Г. Сибгатулин, С.А. Перетокин, А.А. Кабанов и др.). В результате совместно с Ремом была опубликована статья «Экологическая и инженерная геология: синергия процессов в сейсмических очагах и краткосрочный прогноз землетрясений» (Москва: Издательство «Инженерная экология», 2009 г.). Эта статья вызвала негативную реакцию сейсмологов, развивающих свои привычные, но неэффективные методики прогноза. Дело дошло до того, что некоторые известные ученые (не буду называть их имена) поставили на президиуме СО РАН вопрос о развитии в Красноярске «лженаучных исследований» по прогнозу землетрясений при попустительстве руководства КНЦ СО РАН.

Надо отдать должное академику В.Ф. Шабанову, который ознакомившись с принципами «энтропийной» модели прогноза (так мы эту методику назвали), не нашел в ней ничего «лженаучного». Рем при этом мужественно отстаивал нетрадиционное направление исследований – термодинамику сейсмических очагов – и не испугался подвергнуться критике со стороны консервативного ученого сообщества.

Разумеется, прогноз землетрясений – крайне сложная нелинейная задача, которая до конца не решена ни одной группой исследователей в мире, но большая часть «специалистов» априори считают эту задачу нерешаемой. Рем же, вместе с нашей группой, продолжал исследования процессов подготовки землетрясений, и мы можем утверждать, что наш совместный с Ремом «энтропийный» подход уже позволяет с достаточной для практики точностью (вероятность 0,7) прогнозировать время и магнитуду сильных ($M \geq 5,0$) землетрясений. Что касается прогноза

эпицентра землетрясений, то пока эта задача в рамках только сейсмических данных не решена.

Я подробно остановился на этой проблеме, так как существенный вклад в ее решение внес Рем, который рассматривал сейсмический очаг как нелинейный маятник, прогнозировать поведение которого сложно, но при определенных условиях возможно. При этом он не боялся поддержать непривычные для традиционной сейсмологии подходы к решению проблемы прогноза.

Его универсализм и энциклопедичность особо ярко проявились в руководстве симпозиумом «Сложные системы в экстремальных условиях».

В последние годы Рем серьезно занимался не только научной стороной экологии, но тратил много сил на «экологический ликбез» – как на телевидении, так и для руководящего нашим обществом чиновничества. При этом власти предрержащие на публике всячески подчеркивали свое уважение к мэтру, но реально ничего не делали для реализации его предложений и разработок.

К сожалению, мечты Рема о разумном общественном устройстве, экологическом мышлении каждого члена общества и органов власти так и остались мечтами. Но он постоянно находился в борьбе со мглой в головах людей на всех уровнях, в том числе и в научном сообществе, и потому девиз жизни Рема сродни известному «бороться и искать, найти и не сдаваться».

Будет справедливо, если КНЦ СО РАН, в институтах которого Рем проработал более пятидесяти лет, увековечит его память мемориальной доской.

**Владимир
Леонидович
Гавриков –
доктор
биологических наук,
доцент, ведущий
научный сотрудник
кафедры экологии и
природопользования
СФУ.**

О РЕМЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ХЛЕБОПРОСЕ

Странная вещь – человеческая память.

Однажды я поймал себя на мысли, что не могу вспомнить фамилию одного очень известного человека. Я порылся в голове и вспомнил о нём почти всё, что когда-то знал. Что он – основатель наук о поведении. Что он Нобелевский лауреат за это. Что жил он в Австрии и писал замечательные книги о животных. А я эти книги с удовольствием читал в детстве. Вспомнил всё – кроме имени.

Рем Григорьевич остался во мне не только видимыми следами, тем, что может разглядеть каждый – статьями, книгами, дипломами и пр., – но и тем, что можно назвать искорками человеческой речи: словами, фразами, которые вырвались в разное время и по разным поводам. И по какой-то прихоти моя память удержала их так, что при удобном случае они вдруг всплывают из её глубин и служат цитатами или разъясняют какую-либо мысль. Многое из сказанного было произнесено полушутя, но ведь, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

«Умение выбирать себе спутника жизни – важный эволюционный навык».

Был я тогда молодым и холостым аспирантом, но с перспективой на женитьбу.

Ну, и Рем Григорьевич по-отечески наставлял меня (как, вероятно, и прочих своих аспирантов) не только по науке, но и по жизни вообще. К слову сказать, в этой фразе сквозит и общая убежденность Рема Григорьевича в том, что инстинкты человека наследуются наряду с его фенотипическими признаками.

«Это как раз тот случай, когда долларам надо противопоставить мозги».

Относится эта фраза к позднеперестроечным временам, когда и до широких масс сибирских учёных дошли сведения-слухи, как и на каком оборудовании работают в зарубежной науке. По моим наблюдениям, Рем Григорьевич свято верил в побеждающую силу интеллекта. В том смысле, что даже если кто-то там обладает несравнимой с нами приборной базой, мы всё-таки можем делать высокую науку – для этого «всего-навсего» надо уметь думать.

«Он от других требует, чтобы они поступали логично и целесообразно, а сам зачастую принимает решения на основе довольно эмоциональных мотивов».

Хотя здесь речь шла о вполне конкретном человеке, я думаю, это высказывание тянет на хорошее обобщение относительно человеческой природы вообще. Я бы пересказал это так, что желание – первично, т. е. человек сначала чего-то хочет или нет, а уж потом подтягивает к этому желанию разного рода рациональные обоснования.

«Практика не является критерием истины. Маркс ошибался».

К моему удивлению и даже некоторой растерянности, эта тема из классического марксизма вызывала у Рема Григорьевича довольно сильный эмоциональный отклик. Он даже говорил, что сердится на Маркса за этот тезис («практика – критерий истины»). На моей памяти он несколько раз принимался с жаром объяснять мне, почему Маркс не прав. Если разобраться в его аргументации, то лично мне казалось, что всё дело в понимании слова «практика». Рем Григорьевич больше склонялся отождествлять его со словом «польза», видимо, не без оснований подозревая, что народные массы так и будут его использовать.

Иными словами, ложный (в научном смысле) тезис или утверждение, конечно, могут привести к достижению какого-либо полезного результата. Наличие данного полезного результата, в свою очередь, может использоваться людьми для обоснования ложного тезиса в качестве истинного на том основании, что «практика – критерий истины». Как мне представляется, именно против этого Рем Григорьевич эмоционально и протестовал. Он говорил, что у научных истин есть некие свои критерии подтверждения их истинности, не связанные с «практикой-пользой».

Однажды был день рождения у Рема Григорьевича, и я задал ему, как мне казалось, эдакий «экзистенциальный» вопрос.

– Рем Григорьевич, – говорю я, – а Вы задумывались, через что Вы существуете?

– В каком смысле – переспрашивает он, – «через что»?

– Ну, – продолжаю я, – вот например, человек что-то определённое делает в жизни. И если хорошо получается, то он чувствует, что он есть, он существует. И, конечно, он будет стараться сделать это вновь и вновь, чтобы ощутить радость существования. А если по каким-то причинам человек этого не делает, то погружается в тягостное ощущение, что его как будто и нет на свете.

Не знаю, сумел ли я донести до него свою мысль этими неуклюжими рассуждениями. Он только вдруг сказал, что Сталин существовал через власть. А про себя так и не ответил. Но я, наблюдая за ним в течение долгого времени, мог предположить, что Рем Григорьевич существовал через людей. Если не вторгаться в семейную сферу, – через учеников, соавторов, друзей.

Именно поэтому у него было так много учеников, в которых он и остался. В каждом из нас по-своему.

МОЙ ДОРОГОЙ КОЛЛЕГА РЕМ ГРИГОРЬЕВИЧ ХЛЕБОПРОС

Мы знакомы с Ремом Григорьевичем Хлебопросом очень давно, с того времени, когда я оказалась аспиранткой Александра Сергеевича Исаева в Институте леса и древесины им. В.Н. Сукачева КФ СО АН СССР. Воодушевление, энтузиазм, которые я испытала от встреч с этими интереснейшими людьми, профессионалами своего дела, не забылись до сих пор. Но мне хочется вспомнить о том, что Рем Григорьевич оказывал воодушевляющее влияние не только на меня, но и на массу молодых людей – студентов нашего университета.

В Сибирском федеральном университете (Красноярский государственный университет) Рем Григорьевич Хлебопрос работал с 1978 г. С начала – профессором кафедры биофизики физического факультета КГУ, затем – в должности профессора кафедры прикладной математики (1996–2003 гг.). С 2003 г. и по 2009 г. – профессором кафедры социально-экономического планирования экономического факультета уже СФУ; в 2009 году – профессор кафедры природопользования и с 2010 г. – профессор кафедры экологии и природопользования Института экономики, управления и природопользования, а с 2016 г. – Института экологии и географии.

Тарасова Ольга Викторовна – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры экологии и природопользования Института экологии и географии Сибирского федерального университета.

Преподаваемые им дисциплины: Современные проблемы биофизики; Экология и бизнес; Теория катастроф; Катастрофы в природе и обществе; Эколого-экономическое моделирование, Модели катастроф. Кроме этого, он являлся руководителем магистерской программы «Эколого-экономическое моделирование» по направлению «Экономика».

Р.Г. Хлебопрос руководил научным семинаром «Природа и общество в зеркале современной науки» при Сибирском федеральном университете. Профессор Хлебопрос является членом редакционной коллегии научного журнала «Инженерная экология».

За активную работу по подготовке научных кадров Р.Г. Хлебопросу присвоено звание профессора экологии в 1982 г., а в 2014 году звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

А в ноябре 2009 года заседанием Президиума Жюри конкурса «Национальная экологическая премия» за 2009 год фонда имени В.И. Вернадского в номинации «Образование для устойчивого развития» проект «Экология и бизнес – антагонизм, баланс, симбиоз», руководитель которого - Хлебопрос Рем Григорьевич, профессор Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Но главное, конечно, в университете – студенты, в общении с которыми у Рема Григорьевича проявлялась колоссальная доброжелательность, доброта, тактичность. Можно сказать, что относился к он к ним, как к своим детям, с нежностью и вниманием. Улыбался всегда, слушая выступление студентов, иногда засыпая, когда выступление затягивалось, запутывалось, затруднялось... Но всегда потом четко, логично объяснял выступавшему, да и слушателям то, о чем выступавший даже и не догадывался сказать.

И пусть курсы, читаемые профессором Р.Г. Хлебопросом были небольшими по часам. Как например, любимый мной курс «Модели катастроф» для магистрантов направления «Экология и природопользование», всего 108 час., из которых – 16 часов лекций. Но это были не дисциплины, написанные кем-то и когда-то, но авторские курсы, созданные именно д. физ.-мат. наук, профессором экологии Ремом Григорьевичем Хлебопросом.

И какие лекции! Фактически захватывающая социально-экономическая история нашей страны. Если честно, на занятия к Рему Григорьевичу, можно было и не приходить – Рем Григорьевич не отмечал тех, кого не было в аудитории, не всегда отчетливо представлял сколько должно быть студентов на занятии. Но те, кому было интересно, тот приходил и становился искренним поклонником нашего Хлебопроса, нашего Профессора. А зачеты получали все! Только нужно было прийти на последнюю в семестре встречу и... поговорить с Ремом Григорьевичем по курсу. Сам же Рем Григорьевич никогда не опаздывал, никогда не пропускал свои лекции – семинары, никогда не приходил в плохом настроении, всегда был готов к общению с каждым.

**Дыхно Юрий
Александрович**
— заслуженный
врач России, доктор
медицинских
наук, профессор
Красноярского
медицинского
университета.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА РЕМА ГРИГОРЬЕВИЧА ХЛЕБОПРОСА

Прошел год с момента ухода их жизни Рема Григорьевича Хлебопроса. Время летит неумолимо, а «ниша», оставленная им, никем, а, по-видимому, и никогда, не будет заполнена. Слишком большим и многогранным он был. С ним трудно сравниться. Он обладал колоссальной памятью по многим вопросам, даже в тех областях, которые, казалось бы, не были связаны с его научной работой. К нему можно было обратиться по любому поводу и получить исчерпывающий ответ и его креативное мнение.

Он обладал искусством предвидения результатов научного исследования. И когда его собеседники только «вводили» в тему, он уже говорил о том, что полученные результаты дадут науке, практике, как они смогут повлиять на дальнейшие поиски или трансформировать результаты в других исследованиях.

Несчастье, случившееся с его дочерью, «повернуло» Рема Григорьевича к онкологии, к поиску причин возникновения рака, к экологии окружающей нас среды, влиянию загрязнения тяжелыми металлами на

онкозаболеваемость. Причем это были не разговоры, это были серьезные, подержанные грантами работы, которые легли в основу его научной деятельности как онкоэпидемиолога. Именно Рем Григорьевич первым поднял вопрос о необходимости не только модернизации очистителей выбросов на крупных красноярских предприятиях (ЭВРЗ, заводе комбайнов, алюминиевом и металлургическом комбинатах, городских ТЭЦ) но и заменить печное отопление в огромном частном жилом секторе города на газовое. Сегодня мы говорим о «черном небе» над Красноярском, возмущаемся нашими «призовыми» местами в российских списках городов по уровню загрязнения и загазованности, а он, сотрудник Института леса СО РАН, а затем Института биофизики, говорил об этом 30–40 лет назад.

И еще одна черна Рема Григорьевича, которая красной линией проходима через его жизнь – человеколюбие, желание помочь каждому, кто с ним работал или был просто знаком, или же он его и не знал, но был знакомым его знакомых, или же это были люди из других городов. Это не имело никакого значения – нужно было помочь!!! И Рем Григорьевич звонил во все колокола.

Рем Григорьевич был прекрасным собеседником. За рюмочкой армянского коньяка (он был большим ценителем именно этого напитка) он рассказывал мемуарные истории из совей жизни или из жизни крупных ученых, причем ни разу не принижая достоинства этих людей, а подчеркивая только положительные их качества.

Его интересовала история медицины, и, в частности, хирургии и онкологии, роль Н.Н. Петрова и Н.Н. Блохина в становлении и развитии онкологии, история династии хирургов Вишневских. Он знал многое, он - не боюсь этого слова – обладал воистину энциклопедическими знаниями и все время стремился их пополнять.

Одно из последних его детищ – организация научных семинаров по экологии в Академгородке. Ученые из разных институтов, молодые и немолодые в субботнее утро совершенно добровольно собирались в Доме ученых и в течение четырех часов выступали или слушали доклады, основанные на собственных матери-

алах докладчиков, по различным вопросам эпидемиологии, и, в том числе, профилактике онкологических заболеваний, участвовали в дискуссиях. Сам Рем Григорьевич не был блестящим оратором, но его приглушенный голос с небольшой хрипотцой, был насколько приятен, а слова убедительны, что слушатели, затаив дыхание, внимали ему.

Рем Григорьевич был удивительно скромным человеком. Он не кичился своими заслугами в науке, кругом своих знакомых и друзей. Он, как бы застенчиво говорил: «Читал лекции в Америке, Канаде, университетах других стран». И все это звучало так просто, как будто мимоходом. А за всем этим скрывался титанический труд целеустремленного человека с резко ограниченной зрительной памятью.

Мне нравилась в Реме Григорьевиче принципиальность в решении многих житейских и рабочих вопросов, в отношении нарушителей моральных, человеческих, нравственных законов общества. Он не допускал варварства и надругательства над памятью людей независимо от их вклада в научную и практическую деятельность. И тогда, когда некоторые хотели обойти острые полемические углы, думая о своем завтрашнем дне, Рем Григорьевич со свойственной ему педантичностью призывал оппонентов к разуму.

Утрату Рема Григорьевича тяжело переживают все: и те, кто с ним работал, у него учился, кто был просто с ним знаком, а тем более те, кто под его руководством выполнял научную работу. Рем Григорьевич был хорошо известен в научных кругах в нашей стране и за рубежом. Его авторитет как Ученого, Учителя, Друга, Товарища, был велик. Да, сегодня с нами нет Рема Григорьевича но он оставил глубокий след в нашей памяти.

РЕМ ГРИГОРЬЕВИЧ ХЛЕБОПРОС – ПОЭТ-ИМПРОВИЗАТОР ОТ НАУКИ

Ученые не были бы учеными, если не пытались бы изучать, как делается наука и кто такие ученые. В самой простой классификации всех ученых делят на два разряда: классиков и романтиков. Ученые-классики всю свою научную жизнь посвящают изучению одной темы: «Все о слонах». Ученые-романтики регулярно меняют тематику. Один из виднейших представителей этого «племени» – русско-американский физик Джордж (Георгий) Гамов, за свою научную жизнь заработавший (но не получивший) на три Нобеля – туннелирование в ядрах атомов, «Большой взрыв» в астрофизике, и код ДНК – объяснял свою научную биографию так: «Хорошие идеи приходят в голову редко. А в промежутках между рождением идей можно писать научно-популярные книжки».

Но такая простая классификация не дает представления об особенностях научной карьеры. И хотелось бы эту классификацию расширить. И замечательным поводом для этого послужила научная биография Рема Григорьевича Хлебопроса.

После окончания физфака Киевского университета он попал в Нижний Тагил и сделал неожиданную работу по усовер-

Владислав
Григорьевич
Суховольский –
доктор
биологических наук,
профессор, ведущий
научный сотрудник
Института леса
им. В.Н. Сукачева
СО РАН, главный
научный сотрудник
МНЦИЭСО ФИЦ КНЦ
СО РАН.

шенствованию способа разливки стали в форму, покрытую алюминированной фольгой. Усовершенствованием этого метода можно было легко заниматься всю оставшуюся жизнь (Р.Г. рассказывал мне, что через много лет он случайно попал в Киеве на международную конференцию по металлургии, и там страшно удивились, что, оказывается, автор столь важного изобретения не умер, как они думали, а просто перестал по такой шикарной тематике работать). На следующем этапе его научной карьеры он перескочил от металлургии к физике магнитных явлений, сделал в Институте физики СО РАН по этой тематике и кандидатскую, и докторскую диссертации. Но тут закончились идеи. Он говорил мне: в это время у меня идей хватало на двоих – на меня самого и на Лидочку Михайловскую (она была его соавтором). И в этот момент вдруг появился сосед по подъезду – энтомолог Александр Исаев с вопросом: «Похожа ли вспышка массового размножения лесных насекомых на цепную реакцию в атомах урана?» «А что такое вспышка массового размножения?» – спросил Р.Г. и очень быстро оказался заведующим лабораторией математических методов исследования в Институте леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, где получил новые результаты по описанию динамики численности и вспышек массового размножения лесных насекомых, стал соавтором четырех монографий по этой тематике. И опять простейшая стратегия жизни заключалась бы в продолжении этих исследований, тем более что он обзавелся кучей учеников. Но – опять прыжок во вновь созданный теоретический отдел Института биофизики СО РАН, где он и его сотрудники занимались моделированием замкнутых систем и разработкой методов расчетов с помощью нейронных сетей. Но и на этой тематике он не успокоился. Встреча с В.Г. Сибгатулиным – директором КНИИГиМС (отраслевого института, занимавшегося проблемами геологии и оценки состояния окружающей среды) привела Р.Г. в «environmental science» и в поиск решений проблем охраны окружающей среды. Думаете, теперь Р.Г. успокоился? Ничуть – и он ушел из отдела ИБ СО РАН и стал директором Международного центра исследований экстремального состояния организма при КНЦ СО

РАН. Но и этого ему было мало: он пошел на кафедру экологии Сибирского федерального университета читать лекции студентам – и дочитался до получения Всероссийской премии им. В.И. Вернадского в области экологического образования.

Вся эта научная карьера на непосвященных может произвести странное впечатление: из металлургов – в магнитчики, потом в энтомологи, оттуда в биофизики и экологии, затем в медики, и, наконец, в педагоги при наличии диплома об окончании физического факультета Киевского университета (где, кстати, его преподавателем был выдающийся физик Н.Н. Боголюбов, начинавший как математик, затем создавший теорию сверхпроводимости, после этого переключившийся на создание водородной бомбы, и далее в течение многих лет бывший директором Международного центра ядерных исследований в Дубне – похоже, не правда ли?). Как классифицировать такого ученого и человека?

Конечно, это трудно, но давайте вспомним Пушкина – наше все, его «Египетские ночи» и их героя – итальянца-импровизатора. Вот цитата: *«Импровизатор взял со стола гитару – и стал перед Чарским, перебирая струны костливыми пальцами и ожидая его заказа. – Вот вам тема, – сказал ему Чарский: – поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением. Глаза итальянца засверкали, он взял несколько аккордов, гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его...»*

...Итальянец умолк... Чарский молчал, изумленный и расстроженный. – Ну что? – спросил импровизатор. Чарский схватил его руку и сжал ее крепко. – Что? – спросил импровизатор, – каково? – Удивительно, – отвечал поэт. – Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?.. Удивительно, удивительно!..»

Импровизатор отвечал: – Всякой талант неизъясним. Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит со-

крытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами? – Так никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею – тщетно я сам захотел бы это изъяснить».

Конечно, наука – не стихосложение, но я всегда удивлялся той скорости и точности, с которой РГ вникал в новую для себя тематику. Вот уже миг – и из его уст полились новые идеи. При этом я точно знал, что до этого он никаких книг или статьей по новой для себя тематике не читал – да и не мог читать в силу своей инвалидности. Может быть, именно его проблемы со зрением послужили катализатором его научной импровизации, может быть, он получил у Боголюбова такое образование, какое позволяло ему понимать структуру проблем любой конкретной науки, может быть, занятие во многих областях науки отточило его научное чутье – не знаю, но на непосвященных людей его импровизации производили неизгладимое впечатление.

...Но уже импровизатор чувствовал приближение бога... Он дал знак музыкантам играть... Лицо его страшно побледнело, он затрепетал как в лихорадке; глаза его засверкали чудным огнем; он приподнял рукою черные свои волосы, отер платком высокое чело, покрытое каплями пота... и вдруг шагнул вперед, сложил крестом руки на грудь... музыка умолкла... Импровизация началась.

Это импровизаторское начало в научной деятельности Р.Г. вело к тому, что близкие – и не очень – к нему люди страшно любили рассказывать ему свои новые работы. И он моментально включался в безусловно новую для себя тематику, начинал задавать правильные вопросы, находил слабые места и в заключении – как награду – мог похвалить сделанное. И отсюда же любовь и внимание к нему неученых – чиновников и журналистов. Он мог объяснить научные проблемы на их языке, так что эти люди могли понять важность этих проблем и осознать свою роль в их решении.

СПИСОК РАБОТ (СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ) Р.Г. ХЛЕБОПРОСА (2004–2017 гг.)

Тарасова О.В., Ковалев А.В., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Насекомые-филлофаги зеленых насаждений городов: особенности структуры сообществ и динамики численности. Новосибирск: Наука, 2004. 180 с.

Khlebopros R.G., Okhonin V., Fet A. Catastrophes in Nature and Society: Mathematical Modeling of Complex Systems. Singapore, World Scientific Publishing, 2006. 400 p.

Хлебопрос Р.Г., Охонин В.А., Фет А.И. Катастрофы в природе и обществе: математическое моделирование сложных систем. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2008. 360 с.

Хлебопрос Р.Г., Тасейко О.В., Иванова Ю.Д., Михайлюта С.В. Красноярск. Экологические очерки. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 130 с.

Кашкин В.Б., Рублева Т.В., Хлебопрос Р.Г. Стратосферный озон: вид с космической орбиты. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015-01-01, 182 с.

Khlebopros R., Slepkov V., Soukhovolsky V.G. Mathematical Model of Solid Tumor Formation // Proceedings of the 8th World Multi-Conference on Systemics, Cybernetics and Informatics, July 18–21, 2004, Orlando, Florida, USA, SCI 2004/ ISAS. 2004. V. XVI. P. 43–49.

Vshivkova O.A., Kruglik O.V., Morgulis I.I., Novikov V.N., Khlebopros R.G.. Biological methods of population number control for ixode ticks in an ecosystem // International Research Publications. 2009. Vol. 3, part. 1.

Gavrikov V.L., Khlebopros R.G. Defining types of learning individuals: a phase portrait approach // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 2. № 2. С. 215–221.

Biel K., Fomina I., Soukhovolsky V.G., Nazarova G., Khlebopros R., Nishio J. Untangling metabolic and spatial interactions of stress to-

lerance in plants. I. Patterns of carbon metabolism within leaves // *Protoplasma*. 2010. v. 245(1–4). p. 49–73.

Maergoiz L.S., Sidorova T.Yu., Khlebopros R.G. A mathematical approach to develop the distribution of greenhouse gas emissions// *Applied Mathematics*. 2010. V.1. P.515–519.

Klyuchevskii A.V., Khlebopros R.G. Coupled large earthquakes in the Baikal rift system: Response to bifurcations in nonlinear resonance hysteresis // *Geoscience Frontiers*. 2013. № 4. P. 709–716.

Isaev, A.S.; Soukhovolsky, V.G.; Khlebopros, R.G. Model approaches to description of critical phenomena in forest ecosystems // *CONTEMPORARY PROBLEMS OF ECOLOGY*. 2011. V. 4 № 7. p. 699–705.

Maergouiz L.S., Sidorova T.Y., Khlebopros R.G. A mathematical algorithm for redistributing the emission of greenhouse gases // *Sibirskii zhurnal industrial'noi matematiki*. 2011. V. XIV Issue: 2 p. 78–83.

Gavrikov V.L., Salagaeva A.V., Khlebopros R.G. Measuring the Information Flow Received by High School Students to Solve a Simple Research Problem // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 9 (2012 5) 1252–1261.

Maergoiz L.S., Sidorova T.Yu., Khlebopros R.G. A Mathematical Algorithm of Distributing the Greenhouse Gases Emission // *Journal of Applied and Industrial Mathematics*. 2012. Vol. 6. № 2. p. 1–7.

Zakhvataev, V.E.; Khlebopros, R.G. The Kupershtokh-Medvedev Electrostrictive Instability as Possible Mechanism of Initiation of Phase Transitions, Domains and Pores in Lipid Membranes and Influence of Microwave Irradiation on Cell // *Biophysics*. 2012. Volume: 57 Issue: 1 p 75–82.

Mankov, Yu.I.; Khlebopros, R.G. Effect of the shape of an antiferromagnetic nanoparticle on its magnetization // *TECHNICAL PHYSICS*. 2012. Volume: 57 Issue: 5 Pages: 733–734.

Tolstikhina Olga S., Gavrikov Vladimir L., Khlebopros Rem G., Okhonin Viktor A. Demographic Transition as Reflected by Fertility and Life Expectancy: Typology of Countries // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. №6 P. 890-896.

Gavrikov, V.L.; Khlebopros, R.G. Phenomenological model of carbon-sequestering forest management // *CONTEMPORARY PROBLEMS OF ECOLOGY*. 2013. Volume: 6 Issue: 7 Pages: 708–713.

Gavrikov V.L.; Khlebopros R.G. The problem of carbon forest management: Much or fast? // HERALD OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. 2014. Volume: 84 Issue: 3 Pages: 211–216.

Gavrikov, V.L., Sharafutdinov, R.A., Knorre, A.A., (...), Erunova, M.G., Khlebopros, R.G. How much carbon can the Siberian boreal taiga store: a case study of partitioning among the above-ground and soil pools // Journal of Forestry Research. 2016. № 27 (4), pp. 907–912.

Gavrikov, V.L.; Khlebopros, R.G. Kyoto Forest Economics // EKO. 2014. Issue: 12 Pages: 172–180.

Gurevich, Yu.L.; Mankov, Yu.I.; Khlebopros, R.G. Self-assembly of superparamagnetic ferrihydrite nanoparticles // DOKLADY PHYSICS. 2013. Volume: 58 Issue: 11 Pages: 478–481.

Isaev, A.S., Ovchinnikova, T.M., Pal'nikova, E.N., Soukhovolsky V.G., Tarasova O.V., Khlebopros R.G. Population dynamics and stability of forest insects with low density (using the example of populations of the bordered white Bupalus piniarius L.) // CONTEMPORARY PROBLEMS OF ECOLOGY. 2012. Volume: 7 Issue: 7 p. 733–742.

Isaev, A.S.; Ovchinnikova, T.M.; Pal'nikova, E.N., Soukhovolsky V.G., Tarasova O.V., Khlebopros R.G. Dynamics and stability of the sparse forest insect populations // Lesovedenie. 2014. Issue: 4 p. 3–11.

Khlebopros, R.G., Zakhvataev, V.E., Slepков, V.P., Kuzmin, M.I. On the possibility of phase transitions with the formation of SiO₂ peroxide forms in the earth mantle and their effect on mantle convection // Journal of Structural Chemistry. 2016. № 57 (2), pp. 417–421.

Klyuchevskii, A.V.; Khlebopros, R.G. Large Earthquakes in the Baikal Region as Response to Bifurcations in Nonlinear Resonance Hysteresis // DOKLADY EARTH SCIENCES. 2014. Volume: 457 Issue: 1 Pages: 845–849.

Klyuchevskii, A.V., Khlebopros, R.G. Coupled large earthquakes in the Baikal rift system: Response to bifurcations in nonlinear resonance hysteresis // Geoscience Frontiers. 2013. v. 4 (6), pp. 709–716.

Kruglik, O.V.; Morgulis, I.I.; Khlebopros, R.G. Effect of microwave electromagnetic radiation (UHF EMR) on tumor cell viability in experiment // DOKLADY BIOCHEMISTRY AND BIOPHYSICS. 2013. Volume: 449 Issue: 1 p. 66–68.

Lorents, V.A.; Gavrikov, V.L.; Khlebopros, R.G. About the Mechanism of Neural Network as Adaptive System Training // *Mathematical Biology and Bioinformatics* Volume: 8 Issue: 1 Pages: 12–20 Published: 2013 (WoS, Scopus, Impact Factor 0.158).

Maergoiz L.S., Sidorova T.Yu., Khlebopros R.G. Global Climate Change: Variants for Solution // *Atmospheric and Climate Sciences*. 2013. № 3. p. 1–5.

Shadrin, K.V.; Morgulis, I.I.; Pahomova, V. G.; et al. Characteristics of oxygen transport through the surface of the isolated perfused rat liver // *DOKLADY BIOCHEMISTRY AND BIOPHYSICS*/2015. Volume: 464 Issue: 1 p. 298–300.

Soukhovolsky, V.G.; Ivanova, Y.D.; Shulman, K.; Mazharov V.F., Tarasova O.V., Tarasova I.V., Khlebopros R.G. Population Dynamics of Cancer: a Model of Second Order Phase Transition // *Biophysics*/2015. Volume: 60 Issue: 4 Pages: 777–786.

Zakharchenko, M.V., Kovzan, A.V., Khunderyakova, N.V., Litvinova, E.G., Kondrashova, M.N The effect of cell-phone radiation on rabbits: Lymphocyte enzyme-activity data // *Biophysics (Russian Federation)*. 2016. №61 (1), pp. 100–104.

Pasternak S., Khlebopros R. Scientometric analysis of human microbiome project // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 10. № 7. С. 1076–1082.

Исаев А.С., Суховольский В.Г., Бузыкин А.И., Овчинникова Т.М., Хлебопрос Р.Г. Изъятие биомассы в насаждении: феноменологическая модель // *Хвойные бореальные зоны*. 2004. Вып. 2. С. 8–15.

Исаев А.С., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г., Овчинникова Т.М., Бузыкин А.И. Феноменологическая модель лесообразовательного процесса // *Доклады АН*. 2004. Т. 398, № 6. С. 845–848.

Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Оптимизационное моделирование взаимодействия иммунной системы с антигенами // *Метаболические механизмы иммунореактивности*. Красноярск, 2004. С. 96–97.

Хлебопрос Р.Г., Иванова Ю.А., Якубайлик О.Э. Эколого-информационные технологии: анализ пространственной информации с помощью канонических корреляций (электронно-экологический

атлас г. Красноярска) // Инженерная экология. 2004. № 2. С. 35–40.

Кайтмазов Н.Г., Кацер Е.И., Кацер И.У., Кашкин В.Б., Махрачев А.Ф., Морозкин А.П., Федоров Ю.О., Хлебопрос Р.Г. Предварительная сортировка руд: экономические и экологические аспекты // Инженерная экология. – 2005. – № 6. – С.3–13.

Исаев А.С., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г., Бузыкин А.И., Овчинникова Т.М. Моделирование лесообразовательного процесса: феноменологический подход // Лесоведение. 2005. № 1. С. 3–11.

Семенов Д.А., Хлебопрос Р.Г. Модель воздействия биоты на глобальный климат // Биофизика. 2005. Т. 50, № 4. С. 748–752.

Басканова Т.Ф., Маергойз Л.С., Хлебопрос Р.Г. Долговременные ориентиры в экономике и экологии // Инженерная экология. 2006. № 3. С. 25–36.

Слепков В.А., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Моделирование роста и формообразования раковых опухолей // ДАН. 2006. Т. 411, № 4. С. 545–548.

Кашкин В.Б., Хлебопрос Р.Г. Озоновые дыры - «дети» стратосферных вихрей // НАУКА из первых рук. 2007. № 1 (13). С. 70–77.

Слепков В.А., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Популяционная динамика в моделировании роста раковых опухолей // Биофизика. 2007. Т.52, вып. 4. С. 733–740.

Инжеваткин Е.В., Неговорова В.А., Савченко А.А., Слепков В.А., Слепов Е.В., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Управление популяционной динамикой раковых клеток в организме // Труды VII Международной конференции «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO`08. Москва, 28–31 января 2008 г. М.: Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН, 2008. С. 644–668.

Инжеваткин Е.В., Неговорова В.А., Савченко А.А., Слепков В.А., Слепов Е.В., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Использование пороговых эффектов в управлении популяционной динамикой раковых клеток в организме // Проблемы управления. 2008. № 5. С. 73–81.

Галькова Е.А., Маергойз Л.С., Хлебопрос Р.Г. Приложение принципа оптимальности в задачах управления коллективным

инвестированием // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. № 1. С. 138–143.

Сибгатулин В.Г., Перетокин С.А., Хлебопрос Р.Г., Симонов К.В., Кабанов А.А. Фазовые переходы в системе «Космос-Земля-воздух» – основа краткосрочного прогноза землетрясений // Сложные системы в экстремальных условиях: Материалы XIV Всероссийского симпозиума с международным участием, природный парк «Ергаки», 23–28 июня 2008 г. Красноярск, 2008. С. 24–37.

Новиков В.Н., Вшивкова О.А., Круглик О.В., Моргулис И.И., Хлебопрос Р.Г. Элиминация популяций иксодового клеща из экосистем // ДАН. 2008. Т. 420, №6. С. 209–210.

Слепков В.А., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Обобщенная модель взаимодействия опухолевых клеток с организмом: пример биологического триггера // Сложные системы в экстремальных условиях: Материалы XIV Всероссийского симпозиума с международным участием, природный парк «Ергаки», 23–28 июня 2008 г. Красноярск: КНЦ СО РАН, 2008. С. 83–88.

Хлебопрос Р.Г. Математический анализ сложных систем: подход, основанный на изучении фазовых портретов // Сложные системы в экстремальных условиях: Материалы XIV Всероссийского симпозиума с международным участием, природный парк «Ергаки», 23–28 июня 2008 г. Красноярск, 2008. С.5–12.

Хлебопрос Р.Г., Слепков В.А. Фазовые портреты многомерных сложных систем // Труды VII Международной конференции «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO`08. Москва, 28–31 января 2008 г. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2008. С. 68–84.

Шишацкая Е.И., Горева А.В., Войнова О.Н., Инжеваткин Е.В., Волова Т.Г., Хлебопрос Р.Г. Оценка противоопухолевой эффективности рубомицина, депонированного в резорбируемые полимерные микрочастицы // Бюлл. эксперим. биологии и медицины. 2008. Т. 145, № 3. С. 333–336.

Тасейко О.В., Михайлюта С.В., Захаров Ю.В., Леженин А.А., Хлебопрос Р.Г. Ветровые характеристики в приземном слое ат-

мосферы для прогнозирования антропогенных катастроф на неоднородной урбанизированной территории // Инженерная экология. 2009. №4. С. 48–54.

Хлебопрос Р.Г. Математический анализ сложных систем, основанный на изучении фазовых портретов // Инженерная экология. 2009. №4. С. 2–7.

Вшивкова О.А., Круглик О.В., Моргулис И.И., Новиков В.Н., Хлебопрос Р.Г. Контроль численности популяции иксодового клеща в экосистеме // Инженерная экология. 2009. №4. С. 55–62.

Владимиров В.М., Границкий Л.В., Салагаева А.В., Хлебопрос Р.Г. Планетарное распределение вторичных нейтронов и радиационная безопасность при межконтинентальных перелетах // Инженерная экология. 2009. №4. С. 33–47.

Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Две динамические модели научения типа «Кошка Торндайка» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2009. № 3. С. 45–51.

Кашкин В.Б., Рублева Т.В., Хлебопрос Р.Г. Проблемы озонового щита планеты // Инженерная экология. 2009. №4. С. 18–32.

Сибгатулин В.Г., Хлебопрос Р.Г., Перетокин С.А., Кабанов А.А. Синергия процессов в сейсмических очагах и краткосрочный прогноз землетрясений // Инженерная экология. 2009. №2. С. 32–43.

Салагаева А.В., Хлебопрос Р.Г. Предотвращение воздействия глобального потепления в результате изменения альbedo планеты // Инженерная экология. 2009. №4. С. 8–17.

Слепков В.А., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Популяционная модель взаимодействия злокачественной опухоли с организмом // Доклады Академии наук. 2010. Т. 430. № 4. С. 555–558.

Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Континуальность типов научения: динамическое моделирование на основе теории катастроф // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 163–170.

Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Подход к визуализации мыслительных процессов при решении исследовательской задачи // Психология обучения. 2010. № 2. С. 32–48.

Исаев А.С., Суховольский В.Г., Хлебопрос Р.Г. Метамоделные подходы к описанию критических явлений в лесных экосистемах // Лесоведение. 2010. № 2. С. 3–13.

Вшивкова О.А., Хлебопрос Р.Г. Долговременные ориентиры в экономике и экологии // VI Байкальская международная школа-семинар «Методы оптимизации и их приложения» / Труды VI Байкальской международной школы-семинара «Методы оптимизации и их приложения», Т.6: Математическая экономика. Иркутск: РИО ИДСТУ СО РАН, 2011.– С. 82–90.

Маергойз Л.С., Сидорова Т.Ю., Хлебопрос Р.Г. Геофизика: математический алгоритм распределения выбросов парниковых газов // Инженерная экология. – 2011. - № 6. – 0,5 п.л.

Маергойз Л.С., Сидорова Т.Ю., Хлебопрос Р.Г. Математический алгоритм распределения выбросов парниковых газов // Сибирский журнал индустриальной математики. – 2011. – Т. XIV. – № 2(46). – 0,3 п.л.

Маергойз Л.С., Сидорова Т.Ю., Хлебопрос Р.Г. Математический алгоритм распределения выбросов парниковых газов // Сибирский журнал индустриальной математики. – 2011. – Т. XIV. – № 2(46). – 0,3 п.л.

Гавриков В.Л., Салагаева А.В., Хлебопрос Р.Г. Решение учащимися задачи на распознавание категорий: статистический анализ ошибок // Психология обучения. 2011. № 2. С. 24–42.

Галькова Е.А., Маергойз Л.С., Хлебопрос Р.Г. Математический алгоритм «справедливого» распределения гуманитарного ресурса и смежные вопросы // Сибирский журнал индустриальной математики. 2012. Т. 15. № 4. С. 71–77.

Забродин С.М., Перетокин С.А., Салагаева А.В., Сибгатулин В.Г., Хлебопрос Р.Г. Влияние солнечной активности на генерацию импульсов радиоволн земной коры // Инженерная экология. 2012. № 6. С. 18–27.

Захватаев В.Е., Хлебопрос Р.Г. Электрострикционная неустойчивость Куперштоха-Медведева как возможный механизм инициации фазовых переходов, доменов и пор в липидных мембранах а воздействия КВЧ-излучения на клетку // Биофизика. 2012. Т. 57, № 1. С. 75–82.

Кочемарова Е.В., Кочемарова Ю.В., Круглик О.В., Моргулис И.И., Хлебопрос Р.Г. Электромагнитная нагрузка на человека и природу // Инженерная экология. 2012. №6. С. 35–47.

Гавриков В.Л., Салагаева А.В., Хлебопрос Р.Г. Решение человеком простой исследовательской задачи как информационный процесс // Психология обучения. 2012. № 11. С. 15–30.

Лоренц В.А., Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Анализ обучения нейронной сети задачам, содержащим скрытую закономерность // Вестник КрасГАУ, №5, 2012, С. 88–93.

Лоренц В.А., Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Дискретизация уровней ошибок при обучении нейронной сети // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 93–99.

С.Г. Баякин, В.В. Матузова, О.С Прохорова, Р.Г. Хлебопрос. Эколого-экономические проблемы города Красноярска // Инженерная экология. 2012. №3. С. 13–26.

Ю.И. Маньков, Р.Г. Хлебопрос. Влияние формы антиферромагнитной наночастицы на ее намагниченность // Журнал технической физики. – 2012. – том 82. вып. 5. С. 157–158.

Вшивкова О.А., Комаров А.С., Фролов П.В., Хлебопрос Р.Г. Роль гетерогенности среды обитания при управлении численностью популяций иксодового клеща: клеточно-автоматная модель // Проблемы управления, 2013. № 4. С. 57–64.

Вшивкова О.А., Хлебопрос Р.Г. Анализ популяционной динамики иксодовых клещей // Journal of International Scientific Publications: Ecology & Safety. 2013.Vol. 7, Part 4. P. 37–50.

Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Концептуальная модель сравнительного анализа эколого-экономических ценностей леса // Инженерная экология. 2013. № 5, С. 38–48.

Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Феноменологическая модель управления «углеродным лесом» // Лесоведение. 2013. № 5, С. 29–35.

Круглик О.В., Моргулис И.И., Хлебопрос Р.Г. Влияние электромагнитного излучения сверхвысокочастотного диапазона на жизнеспособность клеток экспериментальной опухоли // Доклады Академии наук. 2013. Т. 449. № 1. С. 104.

Лоренц В.А., Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Влияние числа нейтронов сети на ее обучение и точность прогноза // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2013. № 1. С. 56–59.

Салагаева А.В., Хлебопрос Р.Г. Влияние вторичных нейтронов космических лучей на тропосферу и биосферу Земли: эколого-экономический аспект. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 88 с.

Инжеваткин Е.В., Савченко А.А., Слепов Е.В., Хлебопрос Р.Г. НАД(Ф)-зависимых дегидрогеназ лимфоцитов мышей после введения 1×10^4 клеток асцитной карциномы Эрлиха // Сибирское медицинское обозрение. 2014. № 1. С. 25–30.

Шадрин К.В., Моргулис И.И., Пахомова В.Г., Рупенко А.П., Хлебопрос Р.Г. Особенности транспорта кислорода через поверхность изолированной перфузируемой печени крысы // Доклады академии наук. – 2015. – Том.464. – №3. – С.369–372.

Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Киотский лес и экономическая возможность национального «углеродного» рынка // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № Supplement. С. 144–153. (Импакт-фактор РИНЦ 2013 – 0,644).

Крюкова О.В., Пьянков В.Ф., Копылов А.Ф., Хлебопрос Р.Г. Влияние электромагнитного сверхвысокочастотного излучения на рост асцитной карциномы Эрлиха // Доклады Академии наук, 2016, Т. 470, № 4, С. 487–489.

Захарченко М.В., Ковзан А.В., Хундерякова Н.В., Ячкула Т.В., Крюкова О.В. Хлебопрос Р.Г., Шварцбург П.М., Федотчева Н.И., Литвинова Е.Г., Кондрашова М.Н. Воздействие излучения от мобильного телефона на кроликов, измеренное по показателям активности ферментов в лимфоцитах // Биофизика, 2016, том 61, вып. 1, С. 120–125.

Хлебопрос Р.Г., Захватаев В.Е., Габуда С.П., Козлова С.Г., Слепов В.А. О возможности мантийных фазовых переходов с образованием пероксидных форм SiO_2 и их влиянии на мантийную конвекцию // Доклады Академии наук. 2017. Т. 473, № 6. С. 696–698.

Маергойз Л.С., Хлебопрос Р.Г. Математическая модель оптимального распределения премиального фонда // Экономика и математические методы. 2017. Т. 53. № 4. С. 114–118.

Неверова Г.П., Хлебопрос Р.Г., Фрисман Е.Я. Влияние эффекта Олли на динамику популяций с сезонным характером размножения // Биофизика. 2017. Т. 62. № 6. С. 1174–1184.

Хлебопрос Р.Г., Кашкин В.Б. Антарктическая озоновая дыра – кто виноват? // Наука из первых рук. 2017. Т. 73. № 1. С. 20–27.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Кузнецов. За пределом возможности	4
Ирина Фомина. Папа	13
Леонид Милютин. Еще одна повесть о настоящем человеке	21
Лев Маергойз. Воспоминания о Реме Хлебопросе	25
Галина Фиш. В память об уникальном человеке	28
Сергей Семенов. Преодолевший судьбу	31
Сергей Барцев. О Р.Г. Хлебопросе	35
Юлия Иванова. Письмо благодарности моему учителю Рему Григорьевичу.....	37
Юдифь Цельникер. Рем Григорьевич Хлебопрос – ученый и человек	41
Валентин Кашкин. Мои встречи с Р.Г. Хлебопросом	51
Грачья Саркисян. Мои воспоминания о Реме Григорьевиче Хлебопросе – Учителе и Друге	56
Сергей Баякин. Про Рема Хлебопроса	63
Ефим Фрисман. Несколько слов о моих незабываемых встречах с Ремом Григорьевичем Хлебопросом	66
Аргента Титлянова. Рем Григорьевич Хлебопрос	70
Людмила Петрова. Не говори с тоской: их нет, но с благодарностию: были.....	76
Лилия Галкина. Он видел всегда	101
Виктор Суслов. Воспоминания о Друге и Учителе	103
Анна Пархоменко. Воспоминания о замечательном соседе ...	113
Виктория Кузнецова. Рем Хлебопрос или моя дружба с волшебником из реальной сказки	115
Надежда Кудряшева. О Реме Григорьевиче Хлебопросе	122
Виктор Сибгатулин. В борьбе со мглой	123
Владимир Гавриков. О Реме Григорьевиче Хлебопросе	126
Ольга Тарасова. Мой дорогой коллега Рем Григорьевич Хлебопрос	129
Юрий Дыхно. Памяти профессора Рема Григорьевича Хлебопроса	132
Владислав Суховольский. Рем Григорьевич Хлебопрос – поэт-импровизатор от науки	135
Список работ Р.Г. Хлебопроса (2004–2017 гг.)	139

**РЕМ ХЛЕБОПРОС.
МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ
ЗНАТЬ ЕГО...**

Отпечатано в типографии «ГОРОД» ИП Михайлова И.Г.
г. Красноярск, ул. Северное шоссе, 9а.
Тираж 150 экз.